

Арина Теплова

КОРОНА ТОЛИМАНА

Чародеи

Арина Теплова
Корона Толимана

«Автор»

2022

Теплова А.

Корона Толимана / А. Теплова — «Автор», 2022 — (Чародеи)

Эксклюзивно. Только на ЛитРес. 1772 год. На именины Наташа Огарёва получает от отца в подарок драгоценную тиару. Впечатленная красотой вещи, девушка не подозревает, что отныне ее жизнь станет чередой роковых случайностей и трагичных событий, ведь тайна древней тиары связана с ее покойной матерью. В тот же вечер на балу у Огарёвых появляется старинный друг отца, загадочный граф Чернышев, вызывающий у Наташи противоречивые чувства — восхищения и неприязни. Граф Михаил начинает ухаживать за девушкой, заманивая ее в свои сети. Но никто не догадывается, что за маской чопорного состоятельного вельможи, скрывается совсем другой человек, таинственный и опасный.

© Теплова А., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Пролог. Альдеронец	6
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Миссия на Гайю	10
Глава I. Граф Чернышев	10
Глава III. Тиара	20
Глава IV. Огарёвы	25
Глава V. Мечты	31
Глава VI. Усадьба	36
Глава VII. Библиотека	40
Глава VIII. Мольберт	46
Глава IX. Орионец	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Арина Теплова Корона Толимана

Мы думаем, что знаем об этой жизни все, ибо множество раз видели этот мир без прикрас и с различных ракурсов времени и пространства. Но однажды в нашу жизнь вмешивается Некто, кто переворачивает наш привычный мир с ног на голову, тот, кто заставляет нас снова чувствовать, любить и совершать подвиги. И именно этот человек оказывается нашей второй половинкой, той, которая многие годы искала нас среди сверкающих звезд.

Среди миров в мерцании светил
Одной Звезды я повторяю имя...
Не потому, чтоб я Ее любил,
А потому, что я томлюсь с другими.

И если мне сомненье тяжело,
Я у Нее одной ищу ответа,
Не потому что от Нее светло,
А потому, что с Ней не нужно света...

слова И.Ф. Аненнского

Пролог. Альдеронец

Галактическая Федерация Света*,
звездный зал межпланетного корабля «Альцион-0025»

Белоснежно-голубое сияние звезды Альционы, самой яркой в скоплении Плеяд*, отразилось своим холодноватым свечением во всех иллюминаторах корабля. Парящая в бескрайнем пространстве, станция Федерации только неделю назад приняла на свой борт Ариана. За эти дни, отдохнув и напивавшись высокими энергиями, которыми был пропитан весь межпланетный корабль, он смог залечить темные увечья всех своих семи энергетических тел.

– Великого просветления тебе, альдеронец*, – раздался за спиной Ариана приятный голос.

Ариан медленно повернулся, оставив за спиной огромные иллюминаторы, простирающиеся почти на всю ширь залы. Перед ним стоял гуманоид, выглядевший как молодой мужчина-альдеронец. Трехметрового роста с пепельными волосами-косами, одухотворенным лицом, в свободных серебристых одеждах.

– Я пришел доложить, что выполнил всё, что было поручено, просветленный, – мысленно произнес Ариан, отмечая, что перед ним существо, достигшее в своем духовном развитии шестого уровня вибраций. Сам Ариан, точнее его душа имела пятый уровень вибраций.

– Мы знаем, что ты блестяще справился с последним поручением, – ответил просветленный, так же переходя на телепатическое общение, которое было вполне естественно для существ пятого и более высших измерений. – Потому у нас есть для тебя новая просьба, уважаемый мастер.

– Снова воплощение в мирах? – недовольно спросил Ариан, прочитав мысли просветленного.

Но он тут же опомнился и начал нейтролизовать негативный поток энергии, который вылился в пространство от его недовольного возгласа, Огнем Вселенской любви.

– Да, трехмерный мир.

Через пару минут уже успокоившись, Ариан более доброжелательно заметил:

– Но я надеялся немного побыть дома, на Альдероне. Повидаться с матушкой, я не говорил с ней уже сотню лет.

– Но все же мы вынуждены просить тебя, мастер, выполнить это задание.

– Почему я?

– Ты один из немногих кому без потери духовного развития удастся уплотнить свое существо до трехмерного измерения, до физического тела трехмерных миров и с честью выдерживать все испытания и перегрузки всех семи тел. К тому же сохранить свои навыки и качества души пятого измерения в противоречивом и жестоком дуальном мире. Нам очень нужна твоя помощь, ибо каждый специалист по трехмерному миру на счету. Но если твоя душа не желает того, мы пойдем тобой. Выбор за тобой.

Ариан долго стоял молча, взвешивая все «за» и «против». Он хотел вернуться на свою родную планету Альдерон, где родился в это свое последнее воплощение и он уже не был там более сотни лет по меркам последней трехмерной планеты. Но все же его душа много тысяч лет назад выбрала другое – служение на благо Света, и именно это приносило его душе самое наивысшее счастье при каждом воплощении. А дом... наверное он сможет переместиться туда чуть позже...

– Хорошо. Я согласен помочь, – телепатически передал Ариан свое решение старейшине просветленных.

– Мы от всего сердца благодарим тебя. Но это схождение в один из трехмерных миров предстоит поистине трудным.

– Куда я должен отправиться?

– На прекрасную Гайю, что находится в галактике Свати.

– Гайю? Но там действительно пекло, – задумался Ариан, тут же подключившись сознанием к незримым хранилищам Акаши – вселенскому банку данных, сканируя все сведения об этой планете, о которой он знал не так много.

Спустя пару минут Ариан получил всю нужную первоначальную информацию о Гайе и понял, почему просветленный назвал эту планету прекрасной. Она была поистине жемчужинной Вселенной, со своим многообразным животным и растительным миром, разными климатическими зонами и безмерным богатством водных и подземных недр. Подобное редко встречалось на обитаемых планетах, в основном миры имели единый климат и однообразие.

– Ты прав, – согласился просветленный. – Тот трехмерный мир страшен постоянными войнами, видимыми между государствами и скрытыми за души людей. Мы думаем, что ты приобрел достаточный опыт выживания в трехмерных мирах, без ущерба для своей души. Потому ты один из лучших кандидатов для выполнения этой миссии.

– Надеюсь, что я справлюсь с честью. В чем заключается моя миссия?

– Найти одну или несколько Звездных капель, которые Федерация некогда послала на Гайю для помощи всем Светлым душам, которые воплощаются на той планете. Надо попытаться уговорить Звездные капли покинуть опасную Гайю и укрыться под сенью Федерации Света. На все телепатические послания капли не отвечают, и мы не знаем отчего. Они или не могут этого сделать или не хотят. Но сейчас за каплями охотятся орионцы*, оттого Звездные в опасности.

– Орионцы на Гайе? – нахмурился Ариан.

– Да. Последние тысячи лет страдала Гайя упала вибрациями до трехмерности, и теперь расы с низкими вибрациями, в том числе и орионцы, могут воплощаться в телах землян, так называют себя жители планеты.

– Скверно, – буркнул альдеронец, понимая, что за своими миссиями на других планетах пропустил этот трагичный виток эпохи на Гайе.

Он знал насколько безжалостны и коварны орионцы.

– Трудность в том, что орионцы сейчас выглядят, как обычные люди Гайи, – объяснил просветленный. – Мы уже отправляли на Гайю несколько наших агентов. Но с ними так же прервалась связь. Последний наш агент выходил на контакт из девятнадцатого века, эпохи Кровавой Лисицы по меркам времени Гайи. Агент должен был передать сведения о местонахождении одной из капель. По какой-то причине он не смог сам вывезти ее с Гайи и на связь более не вышел.

– Я должен найти Звездные капли и этого агента? – уточнил Ариан.

– Да. Надобно разыскать хотя бы несколько капель. Ты должен найти для них безопасное место на Гайе, конечно если такое возможно. Если нет, то предложить им покинуть планету и укрыться в Федерации до времени вознесения планеты.

– Но разве местонахождение капель на Гайе неизвестно? Телелакационная связь...

– Она прервана с каплями. На Гайе царит энергетический хаос, идут беспрестанные войны и распри почти на всех материках. Мы потеряли след всех девяти капель. Но все же надеемся, что орионцам не удалось их пленить и вывезти с планеты. Хотя капли уникальные живые существа, которые только может породить Вселенная, но они тоже уязвимы. Их главная цель – помочь вознестись многострадальной Гайе в пятое измерение* в будущем. Капли сами выбрали свой путь – помощь Гайе в самый трудный ее период. Но мы боимся за их жизнь.

– Сколько мне отмерено времени по земным меркам Гайи?

– Не более ста лет. За это время ты должен все сделать.

– Хорошо. Мне надо поменять мою оболочку?

Просветленный окинул светлые почти пепельные длинные волосы альдеронца, его бледно-голубые глаза, и суровое красивое лицо.

– Нет. Твой вид вполне похож на жителей Гайи. Да твой рост мал для жителя Плеяд, всего два вельмара*, но для миссии на Гайю он идеален.

– А возраст? Этой оболочке уже сто двадцать лет, – ответил Ариан, вздохнув и вспоминая, что родился на Альдероне более ста лет назад.

– Ты выглядишь очень молодо. И вполне можешь походить на молодого мужчину с Гайи. Не думаю, что стоит менять оболочку.

– Так даже лучше. Я уже привык к этому телу.

– И мы так думаем.

– Когда мне следует отправиться? – спросил Ариан.

– Как можно быстрее. Орбен Ромини расскажет тебе все подробности, с ним решите в какой временной отрезок времени на Гайе лучше отправиться. Последнюю Звездную каплю Толимана*, видели по меркам Гайи в начале девятнадцатого века, именно тогда пропал один из наших агентов.

– Наверное, сначала я отправлюсь туда. Сориентируюсь на месте, возможно, придется переместиться в другой век через портал-арку.

– Думаю, ты прав, мастер.

– Я все понял. Могу я оставить послание для матушки?

– Конечно. Не переживай так сильно. Она ведь не чувствует долгие годы разлуки с тобой. На Альдероне время течет по-другому. Ей и теперь кажется, что ты только вчера уехал от нее.

Ариан промолчал, думая о том, что все эти годы чувствует он, ведь трехмерные миры проходили через его существо месяцами, днями, минутами...

Примечание автора:

Галактическая Федерация Света (ГФС) – объединение многих созвездий и планет Светлых сил, Светлых рас во вселенной. Функция – бескорыстная помощь всем планетам и существам, находящимся на стороне Светлых сил.

Плеяды – созвездие из нескольких дюжин обитаемых планет, в числе которых планета с гуманоидными существами Альдерон. Разумные существа на тех планетах живут в пятом и более высших измерениях. Некогда гуманоидная раса плеядцев с планет Альдерон и Альдебаран заселила часть планеты Земля. Жители этих планет наиболее близки к землянам по внешнему виду и по структуре ДНК.

Альдерон – одна из обитаемых планет светлых Сил во Вселенной, живущая в пятом и частично в шестом измерении, входит в созвездие Плеяды. Отличительные черты обитателей – светлокотые гуманоиды, с белёсыми волосами и глазами голубого, синего и золотистого оттенка, роста достигающего двух с половиной метров. Улыбчивые и доброжелательные.

Орионцы – воинствующая межпланетная раса, которая колонизирует обитаемые планеты, чтобы выкачивать из них природные богатства. Родина – созвездие Орион.

Пятое измерение – измерение мира, достигшего в своем духовном развитии пятой мерности и определенных душевных качеств. В данном измерении понятие времени как таковое отсутствует. Разумные существа живут в нем в полной гармонии и любви ко всему окружающему, их цель – служить на благо всего живого во Вселенной. Эти звездные «люди» если можно их так назвать могут силой мысли сотворять предметы, перемещаться в прошлое и будущее или путешествовать на большие расстояния между другими планетами на звездных кораблях.

Вельмар – один вельмар равен одному метру.

Толиман – двойная бело-желтая звезда в созвездии Центавра.

Вознесение планеты Гайи – одна из реальных легенд о перемещении, а точнее вознесении, Гайи-Земли в пятое измерение, которые должно произойти в XXI веке.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Миссия на Гайю

Глава I. Граф Чернышев

Российская империя, Санкт – Петербург
кафе в Летнем саду, 1834 год

– Свежие газеты! Свежие газеты! – крик худощавого мальчишки оглушил Чернышева, и он перевел взор на светловолосого паренька со звонким голосом.

Не спеша, отпив очередной глоток горячего чаю, чашка с которым стояла перед ним на небольшом ажурном столике, Михаил прищурился. Он окликнул мальчишку, который уже отошел от него. Паренек тут же обернулся к молодому статному дворянину в изысканном темном сюртуке, сидящему на открытой веранде кафе неподалеку на набережной. Он быстро приблизился к незнакомцу, что в упор смотрел на него.

Заплатив две полушки за газету, Чернышев нетерпеливо раскрыл «Санкт-Петербургские Ведомости» и пробежался заинтересованным взглядом по черным напечатанным строкам. Не найдя ничего интересного и нового для себя на первых двух страницах, граф нахмурился, отметив, что он как и обычно все новости узнавал гораздо раньше, до того, как они появлялись в главных газетах. Он перевернул лист и его взор невольно остановился на небольшой выдержке из полицейской хроники за последние три дня.

В первом же объявлении о происшествиях значилась странная фраза о том, что на Васильевском острове, близ морского кадетского корпуса, в двухэтажном особняке некоего дворянина П. обнаружен труп молодой дамы, жены владельца дома, со следами насильственной смерти. Так же упоминалось, что из шкатулки жертвы исчез уникальный кулон с редким камнем – кроваво-красным гиацинтом каплевидной формы. Более ничего не сообщалось.

Мужчина нахмурился и еще раз прочитал заинтересовавшее его сообщение. Вибрации этой статьи отозвались в его существе ярким светлым набатом, и затронули сердечную чакру. Он ощутил, что это именно то, что он искал столько лет. Он прекрасно понял, что это за красный гиацинт. Быстро воскрешая в своей памяти необходимые воспоминания, Михаил начал складывать в своих мыслях некую логическую цепочку.

Этот исчезнувший камень и несчастная женщина явно были связаны с кознями орионцев. Чернышев вспомнил давнюю историю, которую он отчетливо знал до малейших подробностей. Она произошла в восьмидесятых годах прошлого столетия. Тогда фаворит императрицы Григорий Потемкин, богатый, развратный, обладающий безграничной властью подарил каплевидный красный гиацинт молоденькой девушке в знак восхищения ею. Но девушка совсем не оценила щедрого дара Потемкина, и отказала ему во взаимности. Впоследствии, Потемкин похитил девушку и долго держал ее взаперти, а спустя некоторое время девушка бесследно исчезла. Лишь старожилы некоего заброшенного дома-особняка, который некогда принадлежал князю Потемкину, рассказывали о том, что по ночам на заброшенных развалинах дома появляется приведение плачущей женщины с младенцем на руках.

Михаил осознал, что эта неприятная история, как и сегодняшнее происшествие, упомянутое в «Ведомостях», связаны между собой. И он явно попал на след одной из Звездных капель, и похоже это была капля Толимана, такая же яркая и подвижная, как и ее сестрица звезда в созвездии Центавра. И похоже орионцам каплю поймать так и не удалось, раз в газете упоминалось, что кулон исчез.

Теперь Ариан с планеты Альдерон имел имя графа Чернышева Михаила Владимировича, и жил в Российской империи начала девятнадцатого века.

Еще на корабле Федерации он, тщательно изучив все материалы дела, решил спуститься на планету именно в 1824 год по меркам Гайи, и именно в Россию, огромную страну, которая располагалась на самом большом континенте. Для существ, таких как он, достигших уровня вибраций пятого измерения это не составляло труда. Ведь время имело значение только в трехмерном мире, в более же высоких измерениях его просто не существовало.

Естественно, для выполнения миссии он спустился на Гайю имея достаточное количество денежных средств, необходимых в этом мире и привилегированное положение в обществе. Ведь для его миссии необходимо было свободно передвигаться по стране и миру и иметь кучу свободного времени. А в этом веке на Гайе этого можно было достичь только будучи дворянином. Роль-оболочка царя или короля какого-нибудь государства также не подходила, ибо все члены правящих династий были все время на виду. Потому Ариан выбрал себе хорошую дворянскую родословную, которая открывала ему двери во все дома Российской империи и немалый достаток, чтобы во время выполнения его миссии не случилось проволочек.

Он представлялся погибшим и вновь воскресшим сыном покойных графов Чернышевых, у которых не осталось других потомков, именно поэтому Ариан выбрал именно это имя и этот род. Все старые слуги, которые могли помнить его, остались в Петербурге, а новоиспеченный граф Михаил Чернышев продал все свое имущество и уехал на дальнейшее проживание в Воронеж. За пару-тройку лет он построил себе шикарный особняк на окраине города с колоннами и садом в английском регулярном стиле. В провинциальном Воронеже было уединенно и чудесно. Язык страны он выучил идеально за пару месяцев и теперь говорил на московском наречии, без малейшего акцента.

Однако альдеронец-Михаил за эти десять лет, что он был в командировке на Гайе, никак не продвинулся в своей миссии. За это время ему не удалось напасть на след хотя бы одной Звездной капли, не говоря уж о поиске агента, который последний раз выходил на связь именно в этом временном отрезке и именно из Петербурга. И сейчас Чернышев вновь приехал в столицу империи, чтобы учинить новые поиски капли и агента, которые вел уже почти десять лет.

И именно сидя на этой веранде и неспешно попивая свой ароматный напиток, Михаил с ликованием осознал, что наконец-то ему улыбнулась удача, и он напал на след одной из Звездных капель, которая скрывалась очень умело, и естественно не хотела, чтобы ее обнаружили. Капли звезд являлись живыми существами и обладали высоким уровнем вибраций. Они могли менять свое обличье и контактировать с другими существами только телепатически. Именно поэтому их так трудно было отыскать. Капля могла иметь любой облик от камня до капли росы, от живого цветка до столовой ложки. И почувствовать ее можно было только вибрациями. Ибо это вселенское существо источало вибрации седьмого измерения, но было уникально тем, что могло уплотняться и спокойно жить в более низких измерениях вплоть до третьего.

Не допив чай, Чернышев бросил на стол десять серебряных копеек, встал и быстрым шагом направился в сторону Адмиралтейства, размышляя как лучше проникнуть в особняк дворянина П, чтобы выяснить о происшествии более подробно и найти следы капли Толимана.

Прибыл он к нужному месту, на окраине города, слишком поздно. Непростые поиски стали для него слишком запутанными, оттого он потерял более двух недель на выяснения местонахождения Звездной капли. И сейчас оглядывая пустынную улицу, окутанную вечерними сумерками, он чувствовал, что свечение прервалось. Значит, капля пропала с поверхности земли в этом месте.

В следующий миг он увидел, как неподалеку в сизое вечернее небо взмыл некий плоский предмет. По серебристой «тарелке», с красноватым свечением снизу он понял, что это корабль орионцев. Подобные межпланетные корабли эксплуатировали многие разумные расы, но взглядом знатока Михаил определил, что это именно орионцы. В его сознание врезалась мысль о том, что им все же удалось найти каплю Толимана и забрать ее с собой. Альдеро-

нец сжал кулак, ощущая свою полную беспомощность. Он начал напряженно размышлять, что делать дальше, призывая на помощь свое высшее Я.

Его взор вдруг зацепился за неясный силуэт чуть сбоку. Ариан-Михаил резко обернулся и увидел в нескольких десятках шагов невысокую фигуру человека в черном плаще, который замер в неестественной согнувшейся позе. Даже на расстоянии, он ощутил что этому человеку плохо, ибо свечение его ауры то и дело прерывалось.

– Вам нужна помощь, милостивый государь? – громко окликнул Михаил незнакомца, который находился спиной к нему.

На его реплику тот даже не обернулся, а словно очнувшись, быстро устремился прочь и уже через минуту скрылся в темном проулке между домов. Чернышев вздохнул, вновь оглядывая методичным взглядом пустынную улочку на окраине города, и вновь посмотрел в чистое звездное небо. Корабль орионцев уже исчез, а он начал вновь сосредоточенно размышлять. Вдруг на него снизошло озарение, явно подсказанное его высшим Я.

Прошлое! Надо было отправиться в прошлое, когда капля еще находилась на Гайе. Он помнил, что ранее о диковинной броши, которая могла выполнять желания, упоминалось в связи с именем Потемкина в восьмидесятых годах прошлого столетия. И он понимал, что надо искать каплю там. Однако отправляться следовало чуть раньше того времени.

Уже вечером он, собрав легкий саквояж, отправился в Тулу в заветное место, где в заповедной роще находилась Арка перемещения. Здесь в мире третьего измерения он не мог свободно перемещаться в любой временной отрезок или место как, например, на своем родном Альдероне лишь силой своей мысли. Здесь на Гайе это можно было сделать только в определенных местах – где вселенская энергия света скапливалась в концентрированном состоянии, образуя уникальный коридор, перемещающий в нужное время. Мало того при вхождении в Арку живое существо подвергалась сильным перегрузкам и только достаточно тренированный и умеющий это делать человек мог без ущерба для здоровья осуществить перемещение в другое время. Михаил знал как это сделать, оттого теперь пытался все верно рассчитать, чтобы попасть в нужное время в восемнадцатом веке. Ведь времени отмеренного ему Федерацией оставалось менее девяноста лет.

Российская империя, Москва
усадьба Огарёвых, 1761 год

Ласково погладив по головке темноволосую кудрявую малышку, сидящую у него на коленях, Михаил улыбнулся своему другу Огарёву и заметил:

– Хороша у тебя дочка, Алексей Петрович. Послушная и подвижная, словно котенок.

– Покачай еще, дядюшка! – настойчиво воскликнула семилетняя Наташа, обернув забавное личико к молодому мужчине, с ласковыми голубыми глазами.

Девочка чувствовала, что от гостя исходит некая успокаивающая добрая сила, которая разливалась по ее телу и вызывала в ней чувства умиротворения и счастья.

Чернышев улыбнулся ей и исполнил желание девчушки, раскачивая ее. Он отметил, что у девочки светлая голубоватая аура, которую часто имели дети при рождении, но у Наташи она была очень чистой, как будто она только что родилась.

Теперь Чернышев был проездом в Москве у сослуживца по полку Алексея Огарёва, который после отставки перебрался на жительство в своё родовое гнездо.

– Наташенька, иди, поиграй в саду, няня тебя совсем заждалась, – попросил настойчиво Алексей Петрович. – Нам с Михаилом Владимировичем обсудить дела надобно.

– Батюшка, я хочу здесь играть, – накуксилась девочка.

– Кому сказал! – уже повышая голос, по-доброму велел отец. Наташа смешно и недовольно фыркнула и, спрыгнув с широких колен Михаила, бросила на отца обиженный взгляд и

убежала за дверь, оправляя на ходу светлое платье, из-под которого выглядывали кружевные панталончики. – Ягоза, – улыбаясь ей вслед, произнес Алексей.

– А по мне так чудесная малышка, у тебя растёт, – произнес тепло Михаил, улыбнувшись Огарёву, сидящему в кресле напротив него и курящему трубку. – Люблю подвижных и веселых детей, таких как твоя Наташа.

– Зачем же дело стало? – поднял брови Огарёв. – Женись. Заведешь себе парочку или тройку таких же малышей, или мальчуганов.

– Нет уж, уволь меня от этих семейных радостей! – мгновенно ответил тот.

Михаил подумал о том, что если бы решил в этом воплощении соединиться союзом с другой душой и зародить жизнь, то явно не стал бы этого делать на этой трехмерной планете, где процветало насилие и зло. Может быть вскоре, когда ему удастся вернуться на Альдерон, он сможет устроить свое счастье с таким же существом высоких вибраций, как и он сам. И для этого у него было еще достаточно времени, лет так пятьсот или шестьсот. Ведь альдероцы жили не менее семисот лет при воплощении и старели очень медленно по меркам Гайи, и все дело было именно в высоких вибрациях их душ, достигших духовного развития пятого измерения.

Потому Чернышев ответил так, чтобы не вызвать подозрений у Алексея Ивановича:

– Они мне непонятны... Моя жизнь меня вполне устраивает.

– Но жена ведь это очень удобно, – поднял брови Огарёв. – И за слугами присмотрит, и вечером есть с кем переброситься словом и для мужских потребностей опять же. Да и в роду ты последний наследник, Михаил Владимирович, даже оставить наследство некому.

Граф Михаил недовольно повел бровью, словно разговор на эту тему был ему неприятен и, пожав плечами, ответил:

– Благодарствую. Мне всего двадцать три и я пока не намерен никому клясться в вечной любви, как ты Алексей, – ответил Михаил.

Он знал, что выглядит немного старше своих лет. Но это было нормально. Ведь он планировал прожить в этом времени еще лет тридцать, а за это время его организм физически состариться не более чем на пару лет и через десять лет он будет выглядеть вполне адекватно своему возрасту. Ведь физические процессы старения в теле Чернышева происходили очень медленно. И пребывая на Гайе, за десять лет в девятнадцатом веке, и теперь пять лет здесь в восемнадцатом, он состарился внешне всего на несколько лет.

– Ты прав я обожаю Верочку, – как-то печально заметил Алексей, и опустил глаза, чтобы граф не увидел в его глазах боль. – Но ты знаешь, она всегда была так холодна со мной.

– Вот видишь, любовь в этом мире приносит лишь страдания, – тут же вынес вердикт Михаил, понимая, что любовь на Гайе извращена похотью, страстями и ревностью.

Теперь Ариан-Михаил жил в Петербурге в этом времени, прикупив себе большой особняк на Фонтанке. Он водил дружбу с Огарёвым и еще с парой дворян, чтобы выглядеть естественно в столичном обществе. Он посещал балы и рауты, и был вхож даже к государю. И все это время он, не переставая, искал Звездную каплю, существо, найти которое было невероятно трудно. Ведь Чернышев то и дело подвергался тяжелейшим эмоциональным и негативным энергетическим ударам этого дуального мира. Он постоянно пытался удерживать свои вибрации на высоком уровне, хотя это было непросто.

– Нет, ты не прав. Я бы вновь женился на Вере Андреевне, если бы меня спросили сейчас. Ведь она была такой неземной, такой прекрасной и всепрощающей. Она была ангелом, который прощал все мои похождения.

– Тогда неудивительно, что она была холодна с тобой, – поморщился Михаил, поняв, что Огарёв сейчас открыто говорил про свои измены покойной жене.

Чернышев познакомился с Алексеем в то время, когда тот уже был вдов, и теперь эти откровения «друга», вызвали в душе Михаила неприятное брезгливое чувство. В этом мире было приемлемо изменять законной жене. И этого он до сих пор никак не мог понять и принять.

Он знал лишь одно, что если бы он полюбил некое существо и решил связать с ним свою судьбу в этом своем воплощении он бы точно не стал искать кого-то другого, ведь его сердце было бы полно только той единственной и любимой. Всё остальное было лишь гнусными отмазками этого дуального мира.

– Но любил я только ее одну...

– Хорошее оправдание, – не выдержал Михаил, и тут же замолчал.

– Просто тебе еще не встретилась женщина, которая всколыхнула бы все твое существо.

– Возможно, ты прав, – уклончиво вежливо заметил Чернышев, решив до конца сыграть нужную роль. – Ты же знаешь, что я слишком люблю свободу, чтобы разминывать ее на глупую обывательскую жизнь с некой визжащей по каждому поводу девицей, которая будет все время хихикать и говорить лишь о погоде и платьях. Вряд ли я осилю в своем доме такую барышню хоть сутки.

– Ты говоришь как заядлый холостяк, – улыбнулся Огарёв.

– Давай сменим тему. В следующем месяце я уезжаю в Орск. Надо уладить там кое-какие дела, пока есть повод покинуть столицу.

– Что такое?

– На прошлом императорском балу мы сильно повздорили с этой надоедливой девицей Дерябиной, – объяснил Михаил напряженно, словно ему было не по себе говорить о той ситуации. – Эта барышня постоянно вызывает меня на споры, а затем прилюдно бросает в глаза оскорбительные слова. Я долгое время сдерживался, но в последнюю нашу встречу я не смог устоять и ответил ей тем же. Она же надулась, словно гусыня и молча, покинула бал. А на утро весь Петербург начал шептаться, что теперь меня ждет опала, потому что Дерябина любимица императрицы. Так думаю, пережду грозу и вернусь через полгода.

– Слышал, слышал, – кивнул Алексей. – Ты не огорчайся, эта неприятная история скоро забудется. А что до девицы Дерябиной, так она явно расположена к тебе. Я не раз видел ее страстные взгляды, которые она источает в твою сторону. А от твоего безразличия она и цепляется к тебе, – закончил Огарёв, коварно улыбаясь графу.

– Ох уж эти распушенные великосветские дамочки! – оскалился устало Чернышев. – Если хочешь знать, я прекрасно заметил ее благосклонность и что же? Мое сердце холодно к ней и я дал отчетливо понять ей это. Она же понять не хочет, что любовь должна быть взаимна. Не иначе. И вообще все эти развязные моды, что дама должна первая показать свой интерес меня несколько раздражает. Никакой скромности и прелести в современных девицах. Я сам решу, кто мне интересен и за кем мне ухаживать.

– Ну ладно не кипятись, лучше пойдем посмотрим и обсудим моего нового жеребца, которого мне прислали из Италии, умопомрачительный красавец с норовом...

Глава II. Именины

Российская империя, 1772 год

– Что тебе удалось узнать? – спросил тихо Чернышев, когда неприглядного вида человек запрыгнул в его крытый экипаж и захлопнул дверцу.

– Существует некая вещица, проклятая тиара, с которой связано это дело.

– Тиара?

– Поговаривают, что выглядит она более как небольшая корона. И скорее всего из-за нее погибла дама, первая петербургская красавица.

– Ты уверен, что она именно погибла?

– Не прошло и пары месяцев, как она появилась в этой тиаре на императорском балу, и скоропостижно скончалась, удушив себя. Ей было всего двадцать четыре года. Разве это не странно?

– Ты прав, – кивнул Михаил, зная, что в трехмерном мире, Звездные капли вызывали из подсознания человека наружу все потаенные черные мысли, которых следовало бы опасаться.

И не каждый человек, видящий Звездную каплю или владеющий ею, мог справиться с этими темными страстями, которые завладевали им. И устоять могли только добрые люди с чистой светлой душой, которые преодолевали свои страхи и растворяли их в своем существе любовью. Если же человек был полностью погружен в трехмерный мир пороками и страстями, то эти страхи могли привести к еще большему злу. Еще и поэтому Михаил должен был найти эту Звездную каплю Толимана, чтобы она более не приносила несчастий. Он намеревался спрятать ее или увезти с планеты, как и просил его о том совет Федерации, до тех пор, пока люди Гайи не смогут управлять своими эмоциями и стать чище и добрее душой.

– А еще мне удалось узнать, что тридцать лет назад из-за некой странной книги был убит известный царедворец Вавилов, и поныне тайная канцелярия не может найти убийц.

– Преступления явно связаны, – кивнул, мрачней Чернышев, помня, что потом от этой капли погибнет любовница Потемкина чуть позже в конце века.

Звездная капля умело меняла свой вид, превращаясь то в книгу, то в тиару, то в драгоценный кулон, видимо она обожала менять свои облики. Надо было найти ее как можно скорее, тогда ему, возможно, удастся спасти от смерти дальнейших владельцев этой капли. А еще некое внутреннее чувство отчетливо твердило ему, что во всех этих смертях замешены орионцы, которые позже в девятнадцатом веке насильно увезут каплю с планеты, когда он, Михаил опоздает в поисках.

– Когда погибла красавица? – спросил граф.

– Шестнадцать лет назад. Ее нашли в своей комнате, с синяками на шее. Она удушилась веревкой.

– Жуткая история, – поморщился Чернышев, и тут же поняв, что его сердце наполнилось жалостью к этой бедняжке, начал наполнять свое существо энергией любви, чтобы не упали его вибрации. Как же он устал жить здесь в этом дуальном мире. Он вообще поражался, как людские души могут существовать в этом хаосе лжи и ненависти и душевной боли, а некоторые из них еще и оставаться добрыми и прощающими. Вздохнув, и печально по-доброму улыбнувшись своему собеседнику, простому сапожнику, он спросил: – Как ее звали?

– Вера Ильинична Огарёва.

– Огарёва? – опешил Михаил, сразу же вспомнив своего знакомого Алексея Огарёва. – Но насколько я осведомлен, эта дама умерла от сердечного приступа.

– Нет, она умерла от удушения. Ее муж дал взятку начальнику Тайной канцелярии, чтобы ее смерть была выставлена как разрыв сердца. Видимо боялся позора. Ведь самоубийц даже не хоронят на общем кладбище.

– Странно... я бы даже сказал очень подозрительно, – задумчиво произнес Чернышев и в его голове вмиг начал выстраиваться план дальнейших действий.

Российская империя, Москва
особняк Огарёвых, 1772 год

В то майское утро Наташа проснулась со сладостным чувством счастья. Открыв глаза, она долго рассматривала расшитый верх голубого балдахина над головой, думая о том, что сегодня ее восемнадцатый день именин. Часы пробили десять утра, когда она вышла из ванной комнаты вымытая, с распущенными влажными волосами и велела своей горничной закрутить ее густые локоны на тонкие полоски материи, а затем принести ей завтрак.

В приготовлении к предстоящему балу, Наташа решила провести в своей комнате почти весь день, подбирая по каталогам нужную прическу к прелестному бальному платью, купленному на прошлой неделе специально для сегодняшнего праздника. В одиннадцатом часу в

дверь ее спальни постучали, и вошел ее отец, одетый в светлый вычурный камзол и штаны с туфлями.

– Дочка, ты отчего к завтраку не спустилась? – спросил ласково Алексей Петрович, подходя к девушке и долго целуя ее в макушку, затянутыми в жгутики темными локонами.

Ее горничная в это время убирала постель.

– Я так волнуюсь, что у меня совсем нет аппетита, – заметила Наташа. Увидев в руках отца довольно увесистую темную шкатулку, она повернулась к нему и спросила: – Это мне подарок?

– Вон пойдешь! – приказал по-доброму Огарёв горничной и та, поклонившись, быстро покинула спальню. Наташа тепло улыбнулась отцу. Он как-то весь засветился и поставил шкатулку на туалетный столик перед дочерью. – Открой. Здесь драгоценности твоей матушки. Пришло время отдать их тебе.

Наташа с воодушевлением раскрыла шкатулку и ахнула. Внутри лежали переливающиеся сокровища: жемчужные нити и браслеты, длинные вычурные серьги и кокетливые броши, диадемы и колье.

Невольно замерев рядом с дочерью, Алексей Петрович как-то довольно закивал, умиляясь. Девственная красота дочери завораживала его и вызвала в его существе немое обожание. Не удержавшись, он наклонился к девушке и приник поцелуем к ее плечу, Наташа тут же повела плечиком, словно выражая недовольство откровенной лаской отца. Алексей Петрович выпрямился, вздохнув. Его взор вдруг нечаянно остановился на некоей вещи, которая лежала в шкатулке сверху – серебряной тиаре причудливой формы с огромным двухцветным камнем, сверкающим посередине. Искусная тонкая работа мастера была видна невооруженным глазом и девушка, осторожно прикоснувшись кончиками пальцев к холодному камню, пролепетала:

– Какая прекрасная тиара...

Нахмурившись, Алексей Петрович напрягся всем телом и глухо выдохнул. В следующий миг как будто пелена заволокла его глаза, и Огарёв отчетливо увидел перед собой молоденькую женщину, изящную и высокую, в нежно-розовом бальном платье с густыми светлыми локонами, на голове которой красовалась эта тиара. Его душевное состояние пришло в крайнее волнение, вызвав смятение и мрачные мысли. Находясь в каком-то тягучем забытии, Огарёв не спускал безумного взора с тиары.

– Эту тиару твоя матушка надевала незадолго до своей смерти. На бал к императрице, – глухо вымолвил Алексей Петрович, побледнев и вспоминая минувшее время.

Давнишние воспоминания, которые уже много лет не давали ему покоя, завладели его сознанием, и он ощутил, как его всего затрясло.

– Батюшка, вам нехорошо? – спросила Наташа, оборачиваясь к Огарёву и видя, что с ним что-то происходит.

Осторожно взяв отца за руку, девушка заглянула в его нервное смертельно бледное лицо. Тотчас Алексей Петрович пришел в себя и мутным взглядом посмотрел на дочь.

– Нет, я в порядке, – пролепетал он и попытался улыбнуться ей. Однако на его лице отразилась лишь нервная страдальческая гримаса. Усилием воли он взял себя в руки и тихо сказал: – Эти драгоценности твои, моя сладенькая...

Быстро вытащив тиару, девушка водрузила ее на головку и посмотрела на свое отражение, довольно улыбаясь.

– Именно этой прелестной вещицы и не хватало для моей прически. Теперь я точно знаю, как уложить волосы...

Немигающим стеклянным взором смотря на отражение дочери, на голове которой красовалась переливающаяся тиара, Огарёв ощущал, что ему нечем дышать. Воспоминания, гнетущие и мрачные охватили его существо и он хрипло заметил:

– Думаю, тебе не следует надевать эту тиару на бал, Натали. Она слишком дорогая для такого многолюдного торжества.

– Почему? – возбужденно ответила девушка, все поправляя пальчиками прелестную вещицу на темных волосах. – Она великолепна! Нет, батюшка я непременно надену ее.

– Опять капризы, я же сказал... – начал мужчина.

– Но, батюшка, ну прошу вас, позвольте! – она обернулась к нему и сделала на своем лице такое милое и просящее выражение, что у Алексея вмиг вспотели руки.

Свою просьбу она подтвердила соблазняющей улыбкой, и он понял, что она очень умело пустила в ход свое невозможное женское очарование и соблазняющие флюиды, выбивающее почву из-под ног у всякого на кого они были направлены. Огарёв судорожно сглотнул не в силах устоять и промямлил:

– Ну, как знаешь, – согласился он и, наклонившись, приник губами к ее лбу, приобняв руками.

Через минуту, когда поцелуй отца затянулся, а давление его рук стало сильнее, Наташа, чуть отстранилась и попросила:

– Батюшка, не надо...

– Собирайся, не буду мешать тебе, – вздохнул недовольно он и выпустил ее из своих объятий. – Не забудь – гости приглашены к семи часам...

Как-то странно пошатываясь неуверенным шагом, Огарёв вышел из спальни дочери.

Наташа вновь повернулась к зеркалу и продолжила любоваться чудесной тиарой, восхищенная ее прелестью и блеском камней, улыбаясь себе.

Не прошло и пары минут, как в ее ушах что-то зазвенело, а перед ее глазами вдруг все поплыло. Невольно она увидела перед собой широкую мраморную лестницу, в зале с высоченными потолками и лепниной. Она медленно спускалась по лестнице вниз в огромный шумный зал, освещенный тысячами свечей, где находилась многочисленная блестящая публика, дворяне в ярких камзолах и изысканных платьях. Шум и гомон голосов, легкий смех и гром музыки наполнили ее слух. Она, наконец, спустилась в зал и, обмахиваясь веером, встала чуть в стороне у мраморной колонны. Не понимая, что происходит, Наташа провела по себе глазами и отметила, что она дама, в изысканном бледно-розовом бальном платье, а в ее голову ворвалось осознание того, что она находится в императорском дворце на рождественском балу.

Только в этот миг Наташа осознала, что она каким-то чудом оказалась в теле другой женщины, и все видела и чувствовала, словно она была ею. Ее сознание тут же выдало имя Вера Огарёва. Не понимая, что происходит, Наташа недоуменно взирала по сторонам, ощущая, что ее душа как-то попала в тело умершей матери и теперь она словно находилась в прошлом и все видела ее глазами. К ней подошел уса́тый военный и пригласил на танец, но она отказала, потому что в ее планы входило совершенно другое, точнее в планы Веры, как уразумела Наташа. Вера искала кого-то в толпе приглашенных. Наташа проводила глазами Веры по сторонам, а в ее голове роились странные мысли:

– Как же узнать кто это? Неужели ... не получили моего послания... одной мне не справиться. Чувствую, еще немного и эти злодеи все поймут, их зловонное дыхание повсюду... они следят за мной...

Взор Веры, наткнулся на изысканную даму, неподалеку, которая в упор смотрела на нее, и на сильно напудренном лице дамы застыл жуткий оскал, а в ее глазах горел угрожающий огонь. Вера похолодела, пытаясь не поддаваться панике, и трагично подумала:

– Зачем я одела тиару, они все поймут... уже поняли...

Наташа ощутила, как ею, а точнее Верой завладел страх, и она попятилась чуть сторону, желая укрыться от взора той жуткой дамы, которая в упор смотрела именно на нее...

Вдруг видение исчезло, так же неожиданно, как и появилась ранее.

Наташа будто вернулась в свое тело, и вновь увидела свое привычное отражение – юное бледное лицо с опешившими зелеными глазами и раскинутые по хрупким плечам густые локоны. Чуть мотнув головой, она пыталась прийти в себя, не понимая, что сейчас было.

Позади раздался скрип открывающейся двери, и Наташа обернулась, думая, что вернулся отец. Но в комнату вошла дама лет пятидесяти в муаровом бордовом платье.

– А, бабушка, доброе утро, – пролепетала девушка, еще под впечатлением от непонятного видения. – Смотрите, какая чудесная тиара. Матушка носила ее...

– Вижу, твой отец уже поздравил тебя с именинами, – заметила Велина Александровна.

– Да, – кивнула Наташа.

Около шести в парадной Огарёвых настойчиво зазвонил входной колокольчик.

– Как о вас доложить, милостивый государь? – с почтением спросил молодой вышколенный слуга, принимая шляпу и перчатки из рук статного высокого господина с бледным лицом и добрым взглядом.

– Доложи Алексею Петровичу просто – старый друг, граф Михаил, – заметил вошедший Чернышев, проходя вглубь парадной и останавливаясь спиной к боковым перилам широкой мраморной лестницы.

Слуга, кланяясь, исчез за ближайшей дверью, а Чернышев прошелся оценивающим взглядом по ярко-освященной парадной. Как давно он здесь не был. Вокруг почти ничего не изменилось за прошедшие десять лет. До него отчетливо доносился громкий гул голосов из-за едва прикрытых дверей гостиной и Михаил решил, что сегодня у Огарёвых прием.

В следующий миг он слышал некий шорох на лестнице справа от себя, и в его сознание врезался приятный мелодичный голосок, напевающий веселую песенку. Граф резко обернулся и увидел, как по мраморным ступеням лестницы, легко, словно птичка сбегает девушка, в светлом бальном платье. Невольно он проследил за ее легкой фигуркой, которая была боком к нему, и его взор отметил совершенный профиль ее юного лица. Девушка спустилась вниз, продолжая напевать мелодию, и едва повернулась в его сторону, как невольно заметила в пяти шагах от себя Чернышева. Она резко остановилась, видимо не ожидая никого увидеть здесь.

Взгляд Михаила прошелся по стройной девушке среднего роста, и он чуть прищурился. Невозможно прелестная юная кокетка с темными переливающимися локонами, на которых красовались вплетенные жемчужные нити, с ярким румянцем показалась ему знакомой и незнакомой одновременно. Ее большие глаза с поволокой имели насыщенный зеленый оттенок и игриво сверкали. Ее легкое платье, пошитое из тончайшего шелка миндального цвета, оттеняло нежную белизну кожи, и Михаил вновь прошелся взглядом по ее приветливому лицу, округлым узким плечам, высокой полуоткрытой груди, невозможно узкой талии и длинным складкам юбки.

Девушка приветливо улыбнулась ему, и Чернышев окончательно опешил.

И опешил не от ее прелестного вида, хотя она и показалась ему красивой, а оттого как сильно светила ее аура чистотой и свежестью. А над ее головой переливалось золотистое свечение, подтверждающее, что ее «небесный треугольник» активен и значит, ее сознание и душа в данную минуту находились в высоких вибрациях.

– Добрый вечер, милостивый государь, – произнесла девушка мелодичным голосом.

Не понимая, отчего мужчина – гость упорно молчит, и лишь как-то странно смотрит на нее, Наташа убрала приветливую улыбку с лица и недоуменно посмотрела на него.

Мужчина имел довольно внушительный рост, казался широк в плечах, и был одет в черный камзол и штаны того же цвета. Его густые светлые, скорее даже пепельного оттенка волосы, были собраны сзади и открывали высокий лоб и твердо высеченные скулы. Живые цепкие глаза насыщенного лазурного цвета, в обрамлении более темных бровей и ресниц, придавали выразительность его мужественному красивому лицу.

Вдруг золотистое свечение над головой девушки исчезло, и Михаил понял, что она или разозлилась или испугалась, тем самым понизив свои вибрации. Только в этот миг он словно пришел в себя и понял, что ведет себя глупо. Он не понимал, что на него нашло и отчего его поведение вышло из-под контроля. Он быстро опомнился, наклонил голову в знак приветствия и глухо произнес:

– Граф Чернышев Михаил Владимирович.

Он замолчал, подняв на нее глаза и ожидая, что теперь представится девушка.

– Я помню вас, – произнесла она и улыбнулась. – Когда я была мала, вы пару раз приезжали к моему отцу.

Михаил поднял брови и вмиг понял кто перед ним, ведь было что-то неуловимо знакомое в миловидных чертах и мимике темноволосой прелестницы.

– Наташа, Бог мой! Как же вы выросли! – улыбаясь, вымолвил Михаил. – И как же я сразу не узнал вас! Позвольте?

Проворно приблизившись, он протянул руку, и она подала свою ручку для поцелуя. Тут же Михаила окутал ее медово-пряный запах, не ее цветочных духов, а именно ее природный запах присущий именно ей, который он явственно ощутил.

Выпрямившись, он вновь уставился пораженным взором на девушку, понимая, что еще ни разу не встречал в этом времени подобное существо. А точнее человека с такой невероятной чистой аурой и, похоже, открытым «золотым треугольником». Подобного человек мог достичь только имея духовные вибрации не ниже четвертого измерения. Но разве можно было в этом лживом, кровавом мире страданий и боли достичь подобного? Таких высоких вибраций могли достичь в этом времени только праведники или отшельники монахи, удаленные от соблазнов этого развратного мира, или засланцы на эту планету типа него.

– А я вас сразу узнала, – закивала она, вновь приветливо улыбнулась ему.

– Михаил Владимирович! – раздался за ними бас Алексея Петровича. Резко обернувшись, Михаил увидел приближающегося к ним Огарёва, который тут же подал руку другу и добавил: – И какими судьбами ты у нас?

– Проездом в Москве, по делам.

– Целую вечность не видел тебя!

– Ну уж вечность. Лет десять не более, – сказал просто Чернышев и его взор невольно вновь переместился на девушку, почтительно стоявшую рядом.

– Пойдемте в гостиную, гости уже заждались тебя, Наташа, – сказал повелительно Огарёв, обнимая Михаила за плечи. – У нас сегодня именины. Ты прямо на праздник и пожаловал.

– Вот как? – опешил Михаил, думая о том, что он действительно обремененный своими думами и делами, даже не соизволил узнать, что в эту пору происходило у Огарёвых и пришел без подарка. И это было очень невежливо. – Надеюсь, Наталья Алексеевна простит меня за вторжение?

– Конечно же, не переживай, – кивнул Алексей, ответив за дочь и уже распахнул двери гостиной и громко произнес: – А вот и наша именинница!

Глава III. Тиара

Находясь чуть в стороне от основной массы людей, недалеко от камина, Чернышев неотрывно следил за танцующими парами. Он уже не помнил, когда в последний раз танцы вызывали в нем искренний интерес. Однако теперь его взор ни на миг не отпускал ладную фигурку девушки в светлом платье, с розовым бантом, что опоясывал ее талию. Наташа довольно искусно танцевала для своих юных лет, и лучезарная улыбка не сходила с ее прелестного лица. Перебрав в памяти нужные события и даты, Михаил быстро высчитал, что сегодня Наташе исполнилось восемнадцать.

Спустя полчаса к нему подошел Огарёв и дружески заметил:

– Наконец-то могу поговорить с тобой, Михаил Владимирович.

– Прости, я совсем забыл об именинах Наташи, – произнес озадаченно Чернышев. – Я совсем без подарка.

– Пустяки, – отмахнулся Алексей Петрович. – У нее итак все есть, и даже сполна.

– Балуешь? – спросил он, улынувшись другу.

– Она ведь одна у меня осталась после смерти Верочки. Вот и хочу, чтобы все у нее самое лучшее было.

– Твоя дочь прелестное создание, – заметил граф и, не удержавшись, вновь перевел свой заинтересованный взор на грациозную фигурку Наташи, танцующую с очередным кавалером.

При этих словах Огарёв поморщился, и его лицо исказилось мукой.

– Слишком прелестное... – как-то мрачно сказал Алексей.

– Я вижу ты не рад этому?

Огарёв хмуро посмотрел на друга.

– Будешь тут рад. Постоянно кто-то вьется вокруг нее. Еще прошлой осенью она познакомилась в парке с этими фривольными барышнями Урусовыми. Ты ведь помнишь их мать, а дочери еще похлеще будут. Так и меняют кавалеров. Так вот, они то и напели моей Наташеньке, что надо ей в свет выходить. Я как мог, пытался отсрочить это, зная, что она и красива и богата и за женихами дело не станет. Хотел протянуть до ее совершеннолетия хотя бы. Но она ведь еще с детства, ты помнишь, умела упрашивать. Ну, я и сдался. Так вот той зимой поехали мы с ней на первый бал. Как я и предполагал, она произвела фурор, женихов пришлось прямо отгонять от нее.

– Но ведь это прекрасно, если женихов много, ты можешь выбрать из наиболее достойных и титулованных, – заметил Михаил, и тихо добавил: – Хотя лучше бы она сама, по сердцу выбирала.

Но Алексей не услышал его последней фразы и нервно добавил.

– Не выдержал я этого. И запретил ей ездить на балы до именин. Так она мне все уши прожужжала. Она же у меня знаешь, какая своенравная.

– Неужели? – удивился Чернышев, так и не спуская своего взора с Наташи, которая в этот миг весело смеялась, кружа нужные па во время танца. Михаил отчетливо заметил, что его заинтересованность девушкой стала какой-то странной, и он ни в какую не хотел выпускать ее из поля своего зрения. – По ней не скажешь. По-моему, она, как и в детстве веселая и игривая.

– Это когда все по-ейному делается. А как не по душе ей что-то, так она может и ножкой топнуть, уж поверь, – Алексей чуть помолчал и, внимательно посмотрев на друга, спросил: – Какими судьбами ты в Москве?

– Одно дело здесь разрешить надобно, – уклончиво ответил Михаил.

– И где ты остановился?

– Пока в гостинице.

– Ну дак, к нам давай переезжай. У нас места много, поживешь, – предложил Огарёв.

- Я думаю, не стоит. Не хочу вас стеснять.
- Не говори глупостей. Я только рад буду.
- К тому же я ненадолго в Москву. Может на неделю-две. Как только дела улажу, сразу обратно в столицу.
- Понимаю, – кивнул Огарёв.

В самый разгар бала, около десяти вечера, Чернышев покинул душную гостиную залу и направился наверх по боковой лестнице, которая находилась в другой части дома. Почти весь вечер он провел в дальнем углу огромного зала у камина, выжидая нужного момента. Moments, когда его исчезновение не будет заметно. Сейчас большая часть гостей танцевала в бальной зале, остальные приглашенные сидели за столами в парадной столовой, поглощая обильный ужин с разнообразными блюдами и вкушая изысканные дорогие вина.

Внутреннее чутье подсказывало Михаилу, что тиара, скорее всего, находится в комнате покойной жены Огарёва. Оттого помня, куда идти он быстро преодолел коридор и остановился у нужной двери. Запертый замок ему не составило труда отпереть, так как, просветив его взором, он определил, куда следует повернуть язычки. Вставив в щель тонкую спицу, он бесшумно открыл его. В коридоре не было ни души, и Чернышев медленно вошел внутрь и осмотрелся.

Было темно, лишь яркая луна освещала пустынную комнату. Вряд ли Огарёв знал истинную ценность этой древней вещи и ее тайну. Оттого тиара наверняка хранилась на виду. Михаил прошел в середину комнаты и внимательным изучающим взором прошелся по мебели, решая в голове логическую задачу, где вероятнее всего могла находиться Звездная капля. Однако к его огромному разочарованию, спустя четверть часа, обыскав все, он не нашел тиары.

Неожиданно за приоткрытой дверью в коридоре послышались голоса. Граф прислонился к портюере у двери и стал прислушиваться к звукам в коридоре.

- Вы принесли что велено? – раздался приглушенный голос.
- Нет, к сожалению, – ответил второй, и Михаил отчетливо узнал голос Огарёва.
- Мы оговорили время. Сегодня в десять, господин Огарёв.
- Да-да. Но письмо от вас пришло слишком поздно. Я не успел забрать тиару у дочери.
- И что же? Заберите сейчас и все.
- Не могу. Я думал, она наденет ее на бал, но она явилась без нее. А теперь я обшарил всю ее спальню и шкапулку, где лежала тиара поутру, но там ее нет.
- Этот ответ нас не устраивает.
- Дайте мне еще пару дней, я непременно найду ее, – промямлил Алексей Петрович.
- Нет, тиара нужна сейчас. У вас всего час и ни минутой более, в противном случае...
- Я понял вас. Я немедленно поговорю с дочкой...

Только Михаил, стоявший за дверью, понял, куда пропала тиара – просто она проказница поменяла свое обличье в очередной раз. И потому дело вновь осложнилось. Но, по крайней мере, он знал, что новая владелица Звездной капли Наташа. Это было уже хоть что-то. Но удручало другое – то, что Огарёв подчинялся неким людям, темную агрессивную энергетику которых он явственно почувствовал через дверь. Это были орионцы. И наверняка эти нелюди ни перед чем не остановятся, чтобы достичь своей цели, ведь последняя фраза была явно угрожающей. Михаил отчетливо понял, что Огарёв и его дочь теперь в опасности.

Когда голоса стихли, Чернышев быстро покинул спальню, вновь заперев ее, и так же через черный ход спустился вниз. Он вернулся в гостиную, как ни в чем не бывало, и отметил, что отсутствовал всего полчаса. Вновь изобразив надменность и безразличие на своем лице, он продолжил играть свою роль графа Чернышева, чтобы не вызывать подозрений.

Но его сердце было не на месте. Осознание того, что орионцы, с которыми говорил Огарёв, блуждают по дому в поисках тиары и Наташи, вызывало у него тревогу. Он знал – если

они не получают тиару через час, как приказали, то жизнь Алексея и его дочери прервется еще до утра. Чернышев не понимал, зачем его друг связался с этими опасными нелюдями, но скорее всего от незнания и наивности. И его долгом теперь было обереечь Алексея и Наташу от напрасной гибели.

Спустя полчаса он вновь вышел из залы и начал поиски орионцев. Они находились на втором этаже в одной из гостевых крайних спален. Их было двое, как почувствовал еще из-за двери Михаил, что весьма упростило задачу.

Бой был коротким. Прямо через дубовую дверь Михаил выбросил энергетический огненный луч, который резво и мягко прошел через дерево и убил одного из нелюдей наповал. Вторым орионец мгновенно принял боевую позицию, и нанес ответный энергетический удар. Но Чернышев уже оказался в спальне. Разрушив стремительным выпадом защитное поле противника, он раскол ему череп мощным ударом, так умело, чтобы не было крови. Считав всю темную энергию, и их помыслы с уже бездыханных тел и видя как их души устремились прочь, Михаил утвердился в том, что все сделал правильно. Как он и предполагал, орионцы собирались убить Огарёва за неповиновение, а Наташу истязать до тех пор, пока она не скажет где тиара.

Необходимо было убрать трупы. Михаил быстро распахнул окно спальни и осмотрелся. Под окнами рос густой шиповник, создающий своими кронами непролазное густое ограждение. Это показалось ему выходом. Приподняв трупы, он выкинул их на улицу, под окна первого этажа дома. Отметив, что со стороны аллеи трупы скрыты за кустами шиповника, он закрыл окно, понимая, что ночью, когда гости разъедутся с бала, надо будет сжечь их или закопать. Сейчас это было опасно, потому он решил ждать нужного часа, а пока намеревался вновь вернуться в бальную залу.

Пожар начался внезапно.

Было около двенадцати, и в бальной зале гремел последний завершающий празднество полонез. Чернышев в это время разговаривал с Огарёвым, потягивая из фужера домашнее вино, когда парадная гостиная наполнилась едким запахом дыма. Через минуту в распахнутые двери влетел дворецкий и дико закричал:

– Господа, пожар! Пожар! Ваше благородие, что прикажете делать?! – он устремился к Огарёву, который вмиг сорвался с места.

– Где? – выпалил Алексей Петрович. – Дворовых всех поднимай!

– Так уже, ваше благородие!

Началась паника и многочисленные гости, спохватившись, устремились вон из особняка на улицу, толкая друг друга. Когда Михаил один из последних, вышел в парадную, со второго этажа уже валил едкий дым. Дворовые уже всю бегали с ведрами, вверх и вниз по ступенькамнося воду. Алексей Петрович громко кричал, раздавая команды слугам направо и налево. Парадные двери были открыты нараспашку.

– Пошлите еще за людьми в ближайшую деревню! – приказным тоном велел Чернышев, схватив за рукав одного из слуг.

– Уже послали, барин! – кивнул в ответ слуга.

В парадной образовалась большая толпа из гостей. Хватая нервно шляпы и перчатки, гости выбегали на улицу. Некоторые дамы истерично кричали, и Михаилу даже пришлось подхватить на руки одну из почтенных матрон, которая потеряла сознание от испуга. Он вынес грузную женщину на свежий воздух, и дама жеманно попросила отнести ее в карету. На это Чернышев заметил:

– Мадам, если вы пришли в себя, не изволите ли пройти до кареты сами, – он попытался поставить ее на ноги, но дама с силой обхватила его за шею. – Я нужен в доме, там все же пожар.

– О нет, граф, вы же не будете так жестоки, и не оставите меня такую слабую прямо на крыльце? А если со мной что-нибудь случится?

– Я посажу вас на скамью, – уже недовольно заметил он совершенно не горя желанием возиться с этой матроной, когда в пылающем особняке оставались еще люди.

– Нет, на улице так холодно! А я так больна. А если я заболею и умру? Прошу, отнесите меня в мой экипаж!

– Что ж, извольте, – недовольно буркнул Чернышев, и его доброе сердце опять взяло вверх над разумом. – Где ваша карета?

– Наверное, за поворотом, там у ворот.

Михаил потерял почти четверть часа, пока разыскивал экипаж навязчивой дамы. Лишь с третьего раза ему удалось посадить мадам в нужную карету, и все это время он думал о том, что время в этом мире идет с бешеной скоростью, когда оно очень нужно.

Бегом он вернулся к особняку.

Все гости уже были на улице и стояли у дома, кто на лужайке, кто у парадного выезда для карет. Чернышев, тут же оценив ситуацию, отметил, что второй этаж особняка охвачен дымом, и несколько комнат с боку уже объаты огнем. Дворовые уже не входили в дом из-за едкого дыма, и лишь выплескивали ведра с водой на второй этаж, стоя на газонах у окон.

– Ты не видел Наташу? – вдруг рядом с ним раздался дикий голос Огарёва, схватившего его за руку.

Михаил обернулся и нервно взглянул на Алексея.

– Разве она не здесь? – опешил граф, быстро окидывая взором толпу дворовых слуг и многочисленных дам, стоявших вокруг.

– Она как раз поднялась к себе, перед тем, как начался пожар, – ответил глухо тот.

И тут над ними раздался глухой звук распахнувшегося окна. Крик о помощи, заставил обоих мужчин поднять головы вверх. В окне на втором этаже лишь на миг мелькнула светлая фигурка девушки, и тут же из окна повалил дым. Едкое серое полотно захватило окно, и Наташа отшатнулась от окна.

– Зачем она открыла окно?! – прохрипел в ужасе Чернышев, приток свежего воздуха лишь раззадорил полыхающий огонь.

Не думая более не секунды, Михаил бросился к парадной двери особняка. На ходу бесцеремонно сорвав у одной из дам шейный платок, он обернул им низ лица, и умело завязал его сзади на шее. Едва он влетел в дом, он прищурил глаза, спасая их от раздражающего слизистую едкого дыма. Он устремился по парадной лестнице наверх. Серое удушающее облако уже окутало низ второго этажа. Он отметил, что огонь полыхает в правом крыле, неподалеку от того места, где они видели в окне Наташу. Побежав в нужную сторону и, не зная, где комната девушки, он громко закричал:

– Наталья Алексеевна! Наталья!

Лишь с третьего его крика он разобрал ее звонкий голосок в одной из спален. Он подскочил к нужной двери. Не понимая, отчего девушка не выходит, он с силой начал дергать дверную ручку. Дверь оказалась заперта, а из-под нее в узкую щель у пола валил серый дым.

– Отоприте дверь! – закричал Михаил.

– Дверь не заперта! – услышал он тут же нервный голосок Наташи. – Но я не могу ее открыть!

Граф опять надавил на дверь и отметил, что ручка действительно двигается нормально. Но дверь не открывалась. Поняв, что от жара дерево повело и дверь перекосило, оттого она и не двигалась, он закричал Наташе:

– Отойдите от двери, чтобы я не поранил вас!

– Я не могу! Вся кровать уже в огне, – запричитала Наташа через дверь и закашлялась.

– Ложитесь на пол! – тут же скомандовал мужчина и начал мощными ударами плеча выбивать дверь. – Вы слышите меня, Наталья Алексеевна?

– Да, – услышал он ее слабый голосок, и девушка вновь сильно закашлялась.

От жара пот струился по его лицу, но Чернышев не замечал этого, а лишь упорно, что было мочи ломал дверь. Да он мог выбить ее одним энергетическим ударом, но это могла увидеть Наташа или еще кто-то. Потому он действовал, как и полагалось человеку этого мира. Лишь с девятого удара, твердая дубовая дверь поддалась, и он выбил первые бруски. Далее еще несколько раз прошелся мощными ударами по древесине и сделал нужный проход, чтобы войти хотя бы наклонившись.

Картина что предстала перед ним, оказалась ужасна. Почти вся комната полыхала в огне. Лишь передняя часть, примыкающая к двери, была еще без огня. Девушка лежала на полу перед дверьми и хрипела, не в силах прокашляться, в следующий миг Наташа потеряла сознание, надышавшись удушающего дыма. Михаил ринулся в выломанный проем. Зная, что никого более нет поблизости, он протянул руку вперед и тут же выкинул ледяной столп снега в сторону кровати, чтобы немного усмирить разбушевавшийся огонь. Это дало ему несколько мгновений, для того чтобы схватить девушку и вытащить ее через сломанную дверь в коридор.

Стараясь не дышать, граф легко подхватил ее на руки и устремился со своей ношей к лестнице. Чем ниже он спускался, тем яростнее полыхал огонь вокруг, неумолимо подступая к лестнице. Дерево под его ногами жутко трещало, но Михаил стремглав сбегал по многочисленным ступеням вниз, отчетливо осознавая, что каждый миг промедления, может грозить рухнувшей под ними лестницей.

Спустя несколько минут он выскочил с девушкой наружу, и тут же к нему подлетел Алексей Петрович, причитая словно наседка:

– Моя девочка, что с ней? Она умерла?

– Жива она, – успокоил его мрачно Михаил, подходя к ажурной скамейке, которая стояла чуть поодаль у вяза.

Он осторожно положил Наташу на нее. Только тут на свежем воздухе, Чернышев вздохнул полной грудью и невольно уловил приятный сладковато-пряный аромат, исходивший от девушки и присущий только ей. Этот запах уже во второй раз за сегодняшний вечер вызвал в его существе некий трепет.

– Но она совсем не дышит! – кудачтал Алексей Петрович над дочерью, легко хлопая девушку по щекам.

Пытаясь не показать своего нервного состояния, и понимая, что его состояние слишком взволнованно и до крайности возбужденно произошедшим происшествием, Чернышев сосредоточился, и начал внутреннюю медитацию, чтобы привести свой организм в спокойное состояние.

Он стянул с лица платок и, склонившись над Огарёвой, приложил пальцы к ее шее.

– Успокойся, дышит она. Дыму просто надышалась. Здесь на воздухе должна прийти в себя, – уверил Михаил друга.

Удостоверившись, что Наташа просто без сознания, Михаил выпрямился и чуть отошел от девушки, уступив место ее отцу, который наклонился над дочерью пытаясь привести ее в чувство.

Глава IV. Огарёвы

Граф перевел взгляд на горящий дом, который пытались потушить многочисленные дворовые, упорно таскающие воду. Михаил понимал – особняк обречен и вряд ли удастся его спасти. Интуиция подсказывала ему, что дом Огарёва загорелся не просто так. Вопрос теперь был в другом. Куда делась Звездная капля? Вряд ли она погибла в огне, ведь она была высокоразумным существом девярых вибраций и могла себя спасти.

Ко всему этому, Огарёвы в данное время находились на прицеле у этих нелюдей. Да он уничтожил двух из них, но сколько орионцев охотились теперь за каплей было неизвестно. Потому отец и дочь подвергались нынче смертельной опасности, и тому подтверждением был полыхающий особняк и два трупа под окнами. Михаил чувствовал, что не может сейчас оставить Огарёвых на произвол судьбы, а точнее на произвол тех, кто не гнушался убийствами живых существ, чтобы достичь своих темных целей.

Он перевел обратно взор на Алексея, который осторожно хлопал по щекам Наташу, и что-то причитал.

– Сама судьба послала тебя сегодня! – воскликнул в порыве Алексей Петрович. – Если бы не ты, то я не знаю, что было бы с моей Наташенькой.

– Ты бы распорядился из конюшен лошадей вывести, – дал дельный совет граф, телепатически уловив призывы животных о помощи.

– О да, конечно, я совсем не подумал! – воскликнул Огарёв и, выпрямившись, побежал в сторону конюшен, крикнув на ходу Михаилу: – Присмотри за Наташей!

Михаил вновь вытер горячий пот со лба и чуть придвинулся к девушке. Он настойчиво начал вглядываться в ее неподвижное лицо и уже через миг ощутил, что его завораживает это зрелище.

– Все-таки какое искусное творение природы, – произнес он задумчиво, чуть склонившись над нею и внимательно рассматривая каждую черточку на бледном лице девушки.

Ее щека была испачкана в сажу, прическа с одной стороны развалилась, а ее густые темные локоны свободными прядями лежали на ее плече. На ее шее билась жилка, которая указывала на то, что девушка жива, а взор Михаила переместился ниже, на ложбинку между грудей. Он отметил, что ее грудь вполне сформировалась для ее юного возраста и имела нежно персиковый оттенок кожи.

Вдруг он поймал себя на том, что ведет несвойственным для себя образом. Он вел себя как обычный землянин восемнадцатого века, увидев красивую девушку и тайком рассматривая ее прелести. Но он не был им. Его вибрации были гораздо выше и он мог контролировать свои эмоции, поступки и чувства. Вмиг спалив огнем Вселенской Любви внутри себя все страстные вожделенные образы, которые непроизвольно завладели его существом, Михаил нахмурился и заставил себя думать о девушке более отстраненно.

Она так и лежала неподвижно, и это не нравилось графу. Она должна была уже прийти в себя. Оглядевшись кругом и отметив, что никого нет поблизости, он приложил два пальца на определенное место на ее лбу и, сосредоточившись, надавил на нужные точки. Уже через минуту он убрал руку, понимая, что нельзя долго воздействовать на этот энергетический пучок сознания. Он протяжно вздохнул, ожидая результата.

Через секунду Наташа пришла в себя, и ее взор вклинился прямо в его лицо. И тут же уже во второй раз за сегодня Михаил невольно прищурил глаза, пораившись насыщенному изумрудному цвету ее блестящих глаз. Она моргнула несколько раз и попыталась сесть на скамье.

– Вам лучше, Наталья Алексеевна? – поинтересовался граф, помогая ей сесть.

– Вполне, – пролепетала Наташа, озадаченно смотря на него снизу вверх. Она села прямо, но мгновенно спохватилась, начала пальцами перебирать свои распущенные волосы. – О Боже,

все развалилось! Только не это! – и заметив непонимающий взор графа, быстро добавила, словно объясняя: – Я ужасно выгляжу!

– Неправда, – нахмурился он, отмечая, что из ее прически выпала лишь пара длинных прядей, основная же часть волос так и была уложена в затейливую прическу и украшена жемчугом. И это нисколько не портило ее довольно милого образа.

Ее же руки уже пробежались по голове. Отметив, что волосы еще держались в прическе шпильками и небольшим черепаховым гребнем, она уже более облегченно выдохнула:

– Ах вот же! Все вроде на месте.

– Как вы чувствуете себя?

– Скорее сносно, чем хорошо, – вымолвила она, пытаясь привести свои волосы в порядок, и перебирая темные локоны пальцами.

– Чудесно, – заметил он и, выпрямившись, добавил: – Пойду, помогу дворовым.

Пожар потушили лишь на рассвете. Удалось полностью спасти лишь нижний этаж дома, и половину второго. Облицовка и убранство левого крыла была уничтожена до кирпича. Обгоревшие остатки дома еще долго шаяли зловонным черным дымом.

На рассвете, около четырех утра, Наташа сидела на скамье в саду с графиней Неверовой и мадам Ригель. Дамы остались с девушкой для моральной поддержки. Рядом сидела и Велина Александровна. К женщинам приблизились Огарёв с Чернышевым, оба в грязных от дыма рубашках, с красными усталыми лицами. Завидев дородную фигуру отца и высокую фигуру графа, Наташа проворно поднялась со скамьи и пошла на встречу к ним.

– Как там, батюшка? – спросила она обеспокоенно, глядя на него печальным взглядом.

На плечах девушки до сих пор красовался темный довольно большой камзол Чернышева, который он оставил ей, уходя, чтобы она не замерзла.

– Весьма плачевно, сладенькая, – расстроено ответил Алексей Петрович. – Все этажи в копоти, а второй сожжен напрочь. Первый хоть немного цел, но жить там невозможно из-за ужасной вони.

– И впрямь печально, – кивнула девушка. Обратив внимание на графа, стоящего рядом с отцом, она сказала: – Благодарю вас, граф, за спасение. Если бы не вы..., – она замаялась.

– И впрямь, Михаил, все же, как ты быстро сориентировался, и в дом горящий не побоялся войти, – закивал Огарёв.

– Будет вам, – улыбнулся Чернышев отцу и дочери. – Я лишь сделал то, что должен был. Любой бы на моем месте поступил бы так же.

– Да не скажите, – вздохнула Наташа, явно сомневаясь в его словах. Она стянула со своих плеч камзол и протянула его Михаилу. – Возьмите, Михаил Владимирович, благодарствую.

Он нахмурился и остановил ее жестом.

– Я привычен к холоду, Наталья Алексеевна, – вежливо объяснил он. – А вы в слишком легком платье, застудитесь. Оденьте обратно.

– Он прав, дочка, – сказал, вздыхая Огарёв, трагично взирая на обгоревший особняк, который еще несколько часов назад был так великолепен. Не оборачиваясь к Чернышеву, он добавил: – Ты знаешь, Михаил Владимирович, дворовые все в один голос твердят, что пожар начался с крайних гостевых спален наверху. Говорят, что там полыхало с самого начала, и лишь оттуда огонь перекинулся на соседние комнаты.

– С гостевых спален? – удивленно поднял брови Михаил, бледнея.

– Да. Только не пойму отчего. Ведь там вчера даже свечи не зажигали.

– Довольно странно, ты прав, Алексей Петрович.

И только сейчас Чернышев отчетливо понял, отчего начался пожар. Видимо искры пламени, которым второй орионец пытался сжечь его во время боя, упали на ковер и разгорелись. Он так спешил, боясь быть обнаруженным, что не проверил все до конца, когда покидал ту

злосчастную спальню. И пожар начался через четверть часа, после того как он вернулся в балльную залу.

– Хорошо хоть живы все, и обгорели только два мужика, – добавил тихо Михаил, размышляя.

– Что же нам теперь делать, ума не приложу? – запричитал Алексей Петрович. – Похоже придется нам, Наташа, в Рязань ехать, в имение моей покойной матушки. Здесь жить невозможно.

– Но батюшка, я не хочу туда. Это так далеко! Там такая непроглядная деревня! Как я буду выезжать в свет?

– Значит, не будешь, – мрачно ответил Огарёв.

– Но ведь можно все отремонтировать здесь и все, – заметила наивно девушка.

– Натали, на это нужны деньги и немалые. Ты посмотри, сколько всего сгорело! А у меня нет таких денег сейчас. Нужно время. Может через годик другой, я и найду средства.

– И все это время мы будем жить в Рязани? – запричитала Наташа.

– Наверное.

– А если мы к дядюшке Александру Петровичу в Саратов поедem? – предложила девушка. – Там хоть город большой, даже театр имеется.

– Ну, еще удумала, – недовольно буркнул Алексей Петрович. – Я с Александром уже пятнадцать лет в ссоре! Он и не станет нас принимать! Думаешь, я забуду, что отец ему почти все наследство оставил? А мне дулю с носом! И все из-за твоей покойной матери, что женился я без отцовского благословения. Нет уж, уволь.

– А почему бы вам с дядюшкой не примириться сейчас? – спросила заискивающе Наташа. – Как раз случай подходящий, батюшка.

– Нет. Примерюсь с ним, только если Александр половину своего состояния на меня переписшет, не раньше. А он этого никогда не сделает.

– И очень жаль, – проямлила, вздыхая девушка.

– Наверное, можно и в деревянном доме с дворовыми пока пожить и у нас в усадьбе, – размышлял вслух Огараёв. – Он совсем не пострадал. Но это уж не по чину нам с тобой, Натали. Придется в Рязань видать ехать. Там хоть дом каменный добротный, правда мал, но все же. Заберем с собой половину дворовых, остальные за домом сгоревшим присматривать будут.

– Батюшка, я не хочу в Рязань! – взмолилась Наташа, и отвернулась от отца, топнув ножкой, а затем отошла к женщинам.

Граф, отчетливо слышавший их разговор, упорно молчал, ощущая, то именно он виновен в случившемся пожаре и его ошибка навлекла беды на Огарёвых. К тому же оставлять Наташу и ее отца на произвол судьбы было опасно. Ведь орионцы могли снова появиться и вновь попытаться угрожать несчастному Алексею. Совесть Михаила отчаянно требовала теперь взять под свою защиту этих людей, к тому же они были единственными, кто хоть как то был связан с пропавшей тиарой. В его голове мгновенно появилось правильное решение, как следует поступить наилучшим образом для всех.

– Могу я предложить свою помощь? – обратился Чернышев к Огарёву.

– Да?

– Не сочти за дерзость, Алексей, но я предлагаю вам с дочерью и с Велиной Александровной пожить у меня в Петербурге, пока вы не восстановите особняк. К тому же, я могу дать тебе необходимую сумму на восстановление дома, скажем триста тысяч на первое время?

– Но я...

– Отдашь потом, – отмахнулся Чернышев. – Постепенно. Деньги у меня есть, ты же знаешь. Зато уже сейчас сможешь начать приводить в порядок дом. Что скажешь?

Огарёв опешив, ошолбенело смотрел в добрые внимательные глаза Михаила и как-то невнятно проямлил:

– Неудобно мне все же...

– Отчего же? Разве друзья не познаются в беде? К тому же особняк у меня, наверное, вдвое больше твоего, места много. Так что вряд ли вы стесните меня. И по вечерам мне будет не так скучно.

– Я даже не знаю, Михаил, ты прямо огорошил меня.

– Соглашайся, – улыбнулся ему Чернышев. – К зиме вы с Наташей снова к себе переедите.

– Ну что ж, видимо и впрямь сегодня мне тебя послала судьба, друг, – заулыбался Огарёв, вытирая грязным рукавом камзола, лоб. – Извини, надо Наташу спросить – согласна ли она. Да и Велину Александровну, хотя я думаю, они противиться не будут.

На удивление Огарёва, Наташа тут же согласилась ехать в Петербург жить к графу Чернышеву, наивно заявив отцу, что столица место даже лучшее чем Москва, так как там постоянно устраиваются самые лучшие балы и приемы. В этот момент к ним подошел Михаил и девушка с детской непосредственностью выпалила:

– О, спасибо вам огромное, Михаил Владимирович, я буду так рада погостить у вас! – ее глаза так радостно блеснули, а на губах заиграла лучезарная улыбка. Михаил немного смутился и улыбнулся ей в ответ.

– Я тоже буду счастлив, если вы все поживете у меня некоторое время, Наталья Алексеевна, – ответил мужчина и уже обратился к Огарёву: – Не сочти за навязчивость, Алексей, предлагаю вам троим поехать со мной в гостиницу сейчас. Помоемся и отдохнете. Я снимаю пять комнат. Три могу вам уступить. Когда я закончу дела в Москве, направимся в Петербург.

– А могу я взять с собой свою горничную? – спросила Наташа.

– Как вам будет угодно, Наталья Алексеевна, – кивнул Чернышев.

Итак, тем же утром Огарёвы переехали в гостиницу на Большой Никитской улице, в новое двухэтажное здание, построенное по европейскому образцу. Мужчины, не видевшие друг друга довольно длительное время, провели в комнатах графа почти весь день, обсуждая последние заграничные новости и проблемы империи.

Велина Александровна и Наташа, приехавшие в гостиницу с горничной заняли две комнаты. Их уцелевший гардероб составлял всего несколько нарядов, которые оказались спасены благодаря тому, что во время жуткого пожара вещи находились в прачечной. По приезду Наташа хорошенько вымылась в горячей ванне, услужливо наполненной служащими в гостинице крепостными. А затем упав на широкую кровать мгновенно уснула до вечера. Ее бабушка немного отдохнув в своей комнате, чуть позже присоединилась к мужчинам в будуаре Чернышева. Девушка же уставшая и потрясенная неприятными событиями прошедшей ночи, до вечера отдыхала и лишь, около семи вечера, направилась на половину графа, для вечерней трапезы.

Когда Наташа вошла в просторную гостиную, с вычурными диванчиками, креслами времен Людовика XIV и гобеленами на стенах, Велина Александровна и мужчины над чем-то смеялись, уютно примостившись за столом и играя в макао. При появлении девушки Чернышев и Огарёв тут же встали. Наташа прошла в гостиную-будуар и, улыбнувшись, сказала:

– Добрый вечер.

– Как ты, душечка? – спросил заботливо Алексей Петрович. – От угара отошла?

– Батюшка, мне уже лучше, – улыбнулась Наташа.

– Ты мне скажи, сладенькая, – Огарёв вплотную, приблизился к девушке и на ушко ей прошептал, – ты уже разобрала тот сундук, что доставили с пожара с твоими вещами?

– Да, там всего пара платьев.

– А драгоценности? Тиара матушки твоей есть?

– Нет, тиары нет, она видимо сгорела.

– Какая жалость! – воскликнул Огарёв в сердцах. – Чего же ты ее на бал не одела? Сейчас бы цела она была.

– Я побоялась, там столько народу было.

– Вот и глупость! – возмутился уже зло ее отец.

Михаил впервые видел, чтобы Огарёв так нервничал. Похоже он очень сильно боялся тех нелюдей, которые требовали у него тиау. Но пока Алексею нечего было опасаться, орионцы точно на время отстали.

– Добрый вечер, Наталья Алексеевна, – произнес глубоким тенором Михаил, вмешавшись и тем самым прервав недовольство Огарёва.

Наташа подняла на него глаза и невольно окинула его взглядом.

Граф был одет в изысканный темно-синий камзол без украшений, но пошитый из дорогого глазета, белоснежную рубашку, штаны, и легкие домашние удобные туфли. Пуговицы на камзоле были с бриллиантами, отчетливо подчеркивая его высокий статус и положение в обществе. Вчера он был одет гораздо скромнее и проще, как показалось девушке.

Чернышев был высок, широкоплеч, подтянут. Движения его были плавными и немного валяжными. Его бледное с четкими чертами лицо, с высокими скулами и твердо сжатой линией губ показалось Наташе немного высокомерным. Хотя возможно виной тому была его излишняя бледность, которая придавала графу холодный и отстраненный вид. Однако его живые глаза лучились теплом и некой снисходительностью. Он был похож на большого доброго тигра, который осознает свое могущество и величие, но ведет себя дружелюбно и спокойно.

На вид ему было около тридцати лет. Волосы его пепельного оттенка, густые длинные до плеч, уложенные в простую прическу-хвост на шее, открывали его одухотворенное и мужественное лицо. Его внимательный взгляд, цепкий и изучающий словно проникал под кожу и явно оценивал окружающих его людей. От него исходила некая потаенная сила, и Наташа отчетливо чувствовала ее. Довольно красивый и эффектный внешне, Чернышев наверняка пользовался успехом у противоположного пола, подумалось ей.

– Вы позволите? – спросил ее граф, чуть приблизившись и протягивая руку.

Его пронзительный взор до крайности смутил ее, и девушка быстро перевела глаза на отца. Наташа, как и вчера на лестнице, замялась, ведь в обществе было принято целовать ручки только замужним дамам. По этикету мужское приветствие девушкам ограничивалось лишь вежливым наклоном головы. Она не смогла отказать ему и нехотя подала руку, смотря поверх его светловолосой головы, которую он тут же наклонил к ее ладони.

Едва Михаил прикоснулся к ее нежным пальцам губами, склонившись над ее рукой, он тут же почувствовал ее успокаивающие вибрации и некое незримое тепло, разлившиеся по его телу. Ощувив, что ему приятно целовать ее нежную руку, он нахмурился, и тут же взяв себя в руки выпрямился, улыбнувшись. Однако его сердце в эти мгновения стучало в бешеном темпе. Заминка затянулась, и он приветливо спросил:

– Вы голодны, Наталья Алексеевна? Мы как раз собирались заказать что-нибудь на ужин из ресторана.

Она радушно улыбнулась ему, потому что, он верно угадал ее мысли и искренно выпалила:

– Я так голодна, что села бы целого цыпленка или большую тарелку горячих щей.

– Натали! – тут же оборвал ее отец. – Не прилично девушке говорить о том, что голодна так открыто.

– Но я действительно голодна! – улыбнулась Наташа.

– Алексей, оставь! – попросил Чернышев, которому все больше и больше импонировала детская непосредственность девушки. – Мне всегда нравился у барышень хороший аппетит.

– Я знаю, Михаил, что ты большой оригинал! – тут же улыбнулся Огарёв.

– Возможно. Люблю искренних людей и когда говорят правду, особенно если это женщины, – пояснил граф и, переводя взор на девушку, добавил: – Что ж тогда давайте закажем ужин.

Глава V. Мечты

Он отошел к столу и позвонил в колокольчик. Уже через миг появился слуга и вежливо спросил:

– Чего изволите, ваше сиятельство?

– Любезный, мы хотим отужинать, – произнес просто Чернышев. – Обычные блюда у вас имеются?

– Да, ваше сиятельство, как не быть, – кивнул слуга. – Что бы вы хотели кушать?

– Итак, Наталье Алексеевне двух цыплят и щи...

– О нет, прошу вас, – тут же спохватилась девушка, улыбаясь графу. – Думаю, одного цыпленка вполне достаточно.

– Позвольте порекомендовать, судари? – вежливо предложил слуга. – У нас чудесный французский суп, и фазан, и еще фрикасе из кролика.

– А знаешь что, голубчик, – заметил Михаил. – Неси ка ты сюда и фазана и кролика и еще, что у вас там есть вкусного, мы все попробуем. Вина игристого бутылку, подороже. Да и про цыплят не забудь.

Слуга понятиливо закивал и исчез за дверьми.

– Но зачем столько? – удивился Алексей Петрович.

– Вчера я был вашим гостем, сегодня мой черед принимать вас, – заметил, чуть обнажив белые зубы, Михаил. – И еще я непременно хочу извиниться перед Натальей Алексеевной.

– Извиниться? За что же, граф? – удивилась девушка.

В это время Чернышев подошел к небольшому столику и, взяв длинную белую коробку, вновь повернулся к девушке.

– Вчера я был без подарка. Сегодня я хочу загладить свою вину.

Приблизившись к Наташе, Михаил протянул ей коробку. Поняв, что это подарок, она посмотрела на отца и тот закивал ей. Она осторожно взяла вещь из рук графа и смущенно пролепетала:

– Благодарю, ваше сиятельство. Могу я сейчас его открыть?

– Как вашей душе будет угодно, – улыбнулся Михаил.

Наташа проворно присела на маленький диванчик и, положив коробку на колени, развязала белые ленты. Уже через миг она извлекла ажурный белый зонтик с расписной фарфоровой ручкой.

– Какая прелесть! – воскликнула она, вертя прелестную вещицу в руках. – Даже у графини Шуваловой нет такого!

Она счастливо заулыбалась и вновь поблагодарила Чернышева. Тот в ответ отчего-то смутился и быстро вымолвил:

– Я лишь исправил недоразумение.

– Какой же вы хороший, невероятно душевный человек, граф, – заметила Велина Александровна, которая до того молчала. – А так с виду и не скажешь.

– Вы преувеличиваете, Велина Александровна, – улыбнулся он как то по-мальчишески польщенный ее словами.

Ему стало не по себе, и он опустил взор, потому что женщина отчетливо почувствовала его настоящую суть, и реальные чаяния его души. Ведь богатства в виде денег и славы уже давно не прельщали Чернышева. И будь его воля – он бы раздал все нуждающимся людям, ибо искал иного счастья для своей души. Положение его теперь, высокое и знатное, так же как и достаток были частью его роли, которую он исполнял. С этими атрибутами он мог как следует выполнять свою миссию на Гайе, ведь деньги и власть в этом трехмерном мире открывали многие «двери» и многие тайны.

– Нисколько, – продолжала она. – Наташеньку спасли, и теперь принимаете нас как родных. Благодарствуем за все.

– Бабушка права, вы очень любезны, граф, – закивала Наташа.

В следующую минуту постучался слуга, который принес первую перемену блюд и спас Михаила от этого потока льстивых слов.

– Давайте трапезничать! – предложил он своим гостям.

Прошло не более четверти часа после того, как все заняли места за столом и с аппетитом начали поглощать кушанья, когда Чернышев произнес:

– Я думаю, что завтра закончу все дела здесь и уже в среду мы сможем вернуться в Петербург.

– О, это было бы чудесно! – воскликнула Наташа.

– Сразу по приезду в столицу, мы с тобой наведаемся к моему поверенному, Алексей Петрович, – продолжал Михаил по-простому, отрезая кусок фазана и кладя его в рот. Прожевав мясо, он добавил: – Он выдаст тебе сумму, о которой мы договаривались. Я думаю, ее хватит на ремонт особняка.

– Спасибо, Михаил Владимирович, – кивнул Огарёв. – Но наверное сначала надобно оценить сколько понадобится денег? Мне кажется, что в двести пятьдесят тысяч я вполне уложусь. Ведь покупал я особняк за триста двадцать, ну это конечно без земли и деревень.

– Останется и что? Вернешь, – пожал плечами Чернышев. – К тому же наверняка вам всем новый гардероб нужен, не к лицу вам ходить в трех нарядах.

– Ты как обычно прав, Михаил, – кивнул Огарёв.

– Коляску для выездов можете одну из моих брать.

– Как замечательно, спасибо вам, – поблагодарила Велина Александровна.

Наташа рассматривала бледное волевое лицо Чернышева с интересом. Ей отчего-то казалось, что он не так прост, как показалось ей вчера при встрече. Взгляд девушки невольно задержался на руке графа, удерживающей вилку, и она заметила на его кисти, чуть затянувшиеся большие порезы.

– Вы вчера поранились на пожаре? – невольно спросила девушка.

– Скорее всего ободрал, когда дверь в вашу комнату ломал, – произнес он тихо, и внимательно посмотрел на девушку долгим взглядом.

Она отметила, что радужная оболочка глаз Чернышева имеет чистый лазоревый цвет. Такого насыщенного оттенка глаз девушка раньше никогда не встречала. Его взор добрый, глубокий и какой-то обволакивающий словно успокаивал.

– Я очень благодарна вам за все, – сказала она и улыбнулась графу. – Батюшка мне кажется, что Михаил Владимирович наш ангел-хранитель?

– О, это вполне может быть, – закивал Огарёв.

– Вы, конечно же преувеличиваете, Наталья Алексеевна, – тихо произнес Михаил.

– Слышал, что ты на последней турецкой воевал со своим полком, – сказал Алексей Петрович, обращаясь к графу.

– Да. Отбарабанил почти два года, – пожал плечами Чернышев. – Столько дорог проскакал, несколько раз был в серьезных передрыгах, даже ранили однажды...

– Ты был ранен? Не верю, – воскликнул Огарёв. – Никогда ж такого не было! Ты же заговоренный.

– Да, представь. Видимо не зря говорят, что и на старуху проруха бывает.

– Хорошая видать переделка была, – заметил Алексей, внимательно смотря в лицо другу. – Не зря семь лет назад я в отставку ушел, тебе тоже надо. Свой долг выполнил.

В этот момент заскрипела и отворилась дверь из смежной комнаты, и все невольно обернулись, не понимая, кто это мог быть. Ведь все находились здесь, а горничная еще час назад

ушла с запиской по поручению Наташи. В комнату мягко ступая, вошла небольшая светло-серебристая кошка с фиолетовыми глазами.

– Это еще что за чудо? – удивился Михаил.

– Теперь моя кошка, – объяснила девушка.

– Откуда же она взялась? – опешил Огарев.

– Мадам Регель сегодня днем передала через своего слугу, – объяснила Наташа. – Я давно заприметила эту кошку и все просила продать мне ее. Уж очень она ласковая и красивая. А нынче госпожа Регель прислала ее с запиской, как утешение мне в пору нашего несчастья. Я очень благодарна ей.

– И что же, ты намерена взять эту живность собой в Петербург? – спросил ее отец.

– Да, – и тут же переведя взор на Михаила спросила: – Если конечно ваше сиятельство не будет против.

– Натали! Это так неудобно, граф и так много для нас... – начал было Огарёв.

– Пусть возьмет ее, – прервал фразу Алексея Михаил, внимательно рассматривая кошку. – К тому же я люблю кошек за их независимый нрав. У меня дома тоже одна обитает.

– Вот как чудесно, граф, – обрадовалась Велина Александровна. – Спасибо вам, а то уж Наташенька так привязалась к ней.

– Прекрасно. Берите и даже не думайте, – кивнул Чернышев.

– Ох уж эти девицы! – проворчал Алексей Петрович.

– Оставь, Алексей.

– Ну, если ты не против, мне тоже не к чему возмущаться.

– Благодарю! – произнесла Наташа.

В этот момент кошка вальяжно подошла к девушке и по-свойски начала тереться о юбку ее платья. Наташа чуть отодвинула стул и взяла животное на руки, глядя ее. Кошка замурчала и, закрыв глазки, уткнулась носом в ее бок.

Чернышев не спускал внимательного взора с кошки и девушки, и как-то невзначай заметил:

– Я в отставку подал. Императрица уже дозволение свое выслала. Теперь буду по штатской линии служить.

– Где же?

– В коллегии иностранных дел, получил чин надворного советника по внешним сношениям. Если все удачно сложится, в следующем году буду претендовать на должность помощника тайного советника графа Остермана.

– Это дело, хвалю, – кивнул понимающе Огарёв. – Расскажи лучше, что там, на юге было то? Страсть люблю я про военные кампании слушать.

– Да что рассказывать, было и было, – без энтузиазма заметил граф, отпивая из бокала воды, и совершенно не горя желанием вспоминать то мрачное время.

При этих воспоминаниях Михаила всего передернуло. После того кровавого месива, в котором ему довелось побывать на турецкой войне, по приказу командования убивая и калеча других людей, ему почти год пришлось восстанавливать свои вибрации, чтобы далее иметь возможность искать Звездные капли, которые он чувствовал телепатически.

Делал он это в заброшенном старом скиту, среди дикой первозданной природы. Отшельником он прожил в непролазной чаще почти одиннадцать месяцев. Только высокие вибрации жителей зеленого царства: растений, деревьев, лесного зверья, звенящего чистотой воздуха и бьющих из-под земли родников, помогли ему отчистить душу от мрачной скверны убийств и насилия, и вновь обрести душевное равновесие. Но избежать того призыва на войну он не мог, он должен был играть роль вельможи девятнадцатого века и играть правдоподобно, а отклонение от службы в то время расценивалось как бесчестие для дворянина, и закрывало двери в благородное общество.

До сих пор его ментальные тела не были до конца восстановлены энергетически, и это очень осложняло поиски. Ежедневно приходилось проводить почти по несколько часов в медитациях, наполняя свое существо божественными энергиями из вселенной, чтобы его шестая и седьмая чакры открылись и заработали как было до того.

– А я думаю, что любая война это драма для империи, обильно политая кровью ее жителей, – сказала вдруг Наташа.

– Вы так считаете? – удивленно спросил граф, уставившись прямым взором на девушку.

– Именно. Десятки тысяч погибших и искалеченных людей, разоренные города, болезни. Упадок на десятки лет в развитии той местности, где прошла эта кровавая мясорубка. Разве это не драма для простого человека? Вот и скажите на милость, для чего было начинать эту войну?

– Как же, доченька, а новые земли, а выходы к морям? – противопоставил Алексей Петрович властно. – Это очень важно для нашей империи. Теперь беспрепятственная торговля на Азове и в Черном море еще больше обогатит нашу страну.

– Конечно, батюшка! – возмутилась Наташа с горячностью. – В этом мире важны – власть над новыми землями, а значит подданными-рабами и денежное обогащение.

– Ваши выводы, милая девочка, весьма интересны, – заметил серьезно Чернышев, пораженный тому, что девушка рассуждала обо всем этом так здраво и понимающе.

Про себя он добавил еще одно «зло», которое несла в себе война – эта генерация людьми безумного количества темных энергий, таких как страх, агрессия, страдания, отчаяние. Эти темные энергии, исходившие от тысяч людей наполняли окружающее пространство и напитывали планету вредоносными смрадными энергетическими зловониями, вызывая в свою очередь неурожаи, болезни, засухи, наводнения и землетрясения. Ибо на Земле и в природе действовал «закон отражения», зло и негативные темные энергии выливались в катаклизмы, которые потом вновь обрушивались на несчастных людей. Это был один из законов вселенной, который прекрасно знали живые существа из миров более высших измерений.

– Наташа, что ты в самом деле, не стоит тебе говорить об этом! Вот болтушка-егоза! – воскликнул Огарёв, ласково жуя ее. И уже обернувшись к графу, извиняясь заметил: – Постоянно твержу, что войны, газеты и политика это дело мужское. Но разве она слушает? Успевает прочитывать все новости раньше меня.

– Батюшка, но разве женщина не может... – начала она, опуская глаза.

– Не надобно этого, Натали, – оборвал ее строго Огарёв. – С этими твоими умными фразами о войнах тебя в жены никто не возьмет.

– Вы читаете газеты? – удивился Михаил. – Не думал, что молоденькие барышни ваших лет, вообще способны думать об этих неинтересных для них вещах.

– О, вы очень ошибаетесь! Мне очень все это интересно, – воскликнула, не удержавшись, Наташа. – У батюшки много интересных книг... – она чуть замялась и поправилась, – было... по философии, арифметике, астрономии, по управлению имением, по разведению лошадей, по охоте. Я с удовольствием читаю их все. А газеты. Где же еще, как не из них узнавать самые последние вести о том, что происходит в мире? Вам мужчинам хорошо. У вас есть собрания, клубы, наконец, охота, где вы все это обсуждаете. А что остается нам, домашним созданиям? Для нас новые книги и последние новости из газет единственное окно во внешний мир.

– Натали, помолчи уже! – воскликнул вновь Алексей Петрович. – Ты сейчас совсем напугаешь Михаила Владимировича! Все время учил ее молчать побольше, как и должно девице.

– Отчего же напугает? – заметил Чернышев, с восхищением глядя на девушку и отмечая, что в этом времени еще не встречал подобную молоденькую особу, которая бы так четко и ясно излагала свои мысли на такую серьезную тему. – Весьма интересно узнать, что думают женщины о войне к примеру.

– Это кровавая грязная мясорубка, которая калечит и ломает жизни. А ради чего? – не удержавшись, продолжала Наташа. – И все для того, чтобы те, кто управляет нами и нашими империями могли польстить своему самолюбию. Представьте матерей, жен и детей которые остаются одинокими и вдовами, потеряв своих любимых, родных? На копеечном содержании у государства или сиротами? Спросите у них – нужна ли им эта война, которая сделала их несчастными? Мне кажется – ответ очевиден. Оправдать войну я могу только в одном случае – когда люди защищают свою родную землю при нашествии захватчиков.

– Весьма верно, Наталья Алексеевна. И действительно прямо в точку, я бы так сказал. Согласен с вами, – кивнул Михаил.

– Но позвольте, – заметил Огарёв, тут же вмешавшись. – Да я не раз убивал вражеских солдат в этой, как ты выразилась кровавой мясорубке, во воле командования. Но некоторые войны и на чужой земле необходимы, – произнес он, недовольно поджав губы. – Ты еще слишком молода Наташа и многого еще не понимаешь в этой жизни...

– Мала для того, чтобы понять, что война сеет зло и смерть, и делает сотни тысяч людей несчастными в угоду горстке богачей, которые сидят у власти? – бросила она словно вызов отцу.

– Боже и это моя тихая наивная девочка! – опешил в конец Алексей Петрович. – Не надо так говорить. Это хула на государыню нашу! За такие речи можно и в Сибирь кандалами загреть!

– Вы правы во всем, Наталья Алексеевна, – вмешался Михаил, желая немного успокоить всех. – Но ваш отец предостерегает вас. Не стоит на людях говорить такие вольные вещи, это действительно опасно.

– Хмм, – нахмурилась девушка. – Знаете, какова моя заветная мечта? Жить на земле где нет войн, насилия и страданий. Где все жители равны и перед Богом и людьми. Где нет крепостничества и господ, или другого насилия над личностью. Где нет бедных и умирающих от голода. Где природа лечит человека, а звери друзья человека. Где все жители планеты счастливы, любимы, живут, словно братья и занимаются тем, чего жаждет их душа.

Услышав это, Чернышев окончательно опешил. Девушка ясно описывала общество четвертого и пятого измерения, именно так все и было, именно так и жили там существа, на тех планетах, которые обитали в измерениях более высших, нежели этот трехмерный мир на Гайе. И душой Михаила вмиг завладела ностальгия по дому, по своей родной планете – Альдерону в созвездии Плеяд, где в последний раз воплотилась его душа. Именно его родная планета, где осталась его семья: матушка и младшая сестренка, жила по подобным Вселенским законам, которые описывала Наташа, ведь Альдерон уже давно находился в пятом измерении.

Глава VI. Усадьба

Санкт – Петербург, усадьба графа Чернышева,
1772 год, май

Усадьба Чернышева находилась в нескольких верстах от окраины столицы, в пригороде на дороге, ведущей в Петергоф. В нынешнее время вся Петергофская дорога, протянувшаяся на несколько десятков верст, застраивалась частными усадьбами, садами, парками, поместьями и особняками вельмож. Ведь она пролежала между Петербургом и загородной резиденцией государей, куда часто навещалась императрица Екатерина Алексеевна. Дорога от имения графа до столицы занимала около получаса в экипаже и четверть часа верхом. По мнению Чернышева, как он заявил, едва они с Огарёвыми выехали из Москвы, расположение усадьбы не в центре беспокойного столичного города, было скорее плюсом. Ибо имение было тихим, зеленым, с многочисленными просторными лугами и пролесками.

Обширное имение Михаила Владимировича, простиралось на десять верст и включало в себя: три деревни, большой лесной массив, и сам усадебный дом-дворец с пейзажным парком, рукотворным прудом и березовой аллеей. Ранее во времена Елизаветы Петровны, этим особняком владел английский посланник. Позже имение с близлежащими землями купил Владимир Егорович Чернышев, имея по тем меркам довольно хороший достаток. А позже когда от этой ветви Чернышевых не осталось наследников, появился Михаил, назвавшись сыном покойного графа. Так как графиня Чернышева, разъехавшись с мужем увезла маленького сына за границу еще в нежном возрасте, Михаилу не составило труда выправить необходимые подтверждающие его родство документы, и занять место покойного графского наследника, который скончался в младенчестве еще со своей матерью от чумы в Берлине.

Особняк-дворец, выстроенный в стиле новомодного благородного классицизма, был трехэтажным, с парадным подъездом, широкой лестницей, облицованной финским гранитом и имел около сорока комнат. На первом этаже располагались парадные комнаты: огромная парадная, две столовые, бальная зала, три гостиные, чайная, бильярдная, библиотека, кабинет и зимний сад. На втором этаже было около десяти спален, картинная галерея и музыкальная гостиная. Верхний небольшой цокольный этаж под крышей занимала прислуга, а также здесь находились хозяйственные помещения.

Как и планировал Чернышев, они вернулись в столицу, а точнее в усадьбу в среду вечером. Огарёвым отвели три комнаты на втором этаже особняка: спальню для Наташи, в розовато-лиловых тонах, и две комнаты Алексею Петровичу с просторным кабинетом и спальней, которые находились в правом крыле дворца. Комнаты графа располагались в левой части, и так же состояли из трех комнат.

Первые недели по приезду, Михаил Владимирович пропадал целыми днями в коллегии иностранных дел, куда он только что поступил на службу и приезжал домой только под вечер к ужину.

Огарёв ежедневно занимался с архитекторами и строителями, обсуждая, как следует обустроить сгоревший дом в Москве. Алексей Петрович был вынужден вызвать из Москвы своего приказчика, для дачи наставлений, как следует реставрировать фамильный особняк. Затем отправил его обратно в Москву, дабы тот контролировал все строительные работы.

Наташа уже на второй день наведлась в известный модный салон на Невском проспекте, где заказала себе полный гардероб, чтобы было в чем выходить на люди. Все свободное время девушка проводила в усадебном саду или своей комнате за книгами.

Спустя три дня, по приезду в графскую усадьбу, в воскресный день, Огарёвы вместе с Чернышевым трапезничали в фарфоровой столовой. В середине трапезы Михаил вдруг произнес:

– Сегодня поутру принесли приглашение на бал. В предстоящую пятницу у князей Гагариных. Причем в приглашении значится не только мое имя, но твое Алексей Петрович, а также Наташи. Не думал что ты знаком с князьями.

Граф пытливо посмотрел сначала на Наташу, а затем перевел взор на Огарёва.

– Я не знаком, – ответил, удивившись, Алексей. – Не припомню, чтобы меня хоть раз представляли Гагариным. И не понимаю, отчего в приглашении наши имена.

– Княжна Александра Сергеевна моя новая знакомая, – заметила вдруг Наташа.

Мужчины с удивлением воззрились на девушку в кокетливом шелковом платье, аквамаринового цвета с узорами, которая сидела по левую руку от Чернышева.

– Когда же ты успела познакомиться с нею? – удивился Огарёв.

– Позавчера в модном салоне на Невском. Она была очень любезна со мной. Я пожаловалась княжне Александре, что у меня совсем нет знакомых в Петербурге и о наших злоключениях. И она обещала пригласить меня к себе на первый же бал, чтобы я смогла познакомиться с изысканным обществом и отыскать себе друзей. Батюшка, правда, она невероятно мила? Во время нашей беседы княжна отметила, что в эту пятницу в их доме соберется весь петербургский свет.

– Что за странное знакомство, Натали? – недовольно произнес Алексей Петрович. – Воспитанные девицы не знакомятся непонятно где и тем более сами. Вас должны были представить друг другу. Говорил я тебе не дело это одной ехать на проспект. Так нет, никак потерпеть не хотела, пока я закончу дела. И вообще не пристало благовоспитанной девице самой на бал напрашиваться.

Слова девушки насторожили Михаила, он довольно хорошо знал эту княжну. Красавица и интриганка, одна из фрейлин императрицы, Гагарина имела довольно низкие вибрации души, а ее поведение в большинстве случаев было вызывающе и аморально. Она водила знакомства с опасными личностями: игроками-шулерами, кровавыми бретерами и придворными распутниками. Несмотря на свой юный возраст, Алекса Гагарина была уже до жути распутна и непомерно цинична. Ее тайный любовник – царедворец и любитель женщин Александр Безбородко, имеющий неограниченное покровительство императрицы и большое влияние при дворе, развратил ее настолько, что пару раз на свет всплывали неллицеприятные слухи об отвратительных оргиях с участием Гагариной. Это не удивило Михаила. Ведь душа Безбородко была из орионцев, и в этом воплощении проявляла себя во всей темной «красе».

Именно это и насторожило Михаила. Инстинктивно он чувствовал, что княжна завела знакомство с Наташей неслучайно, ее действиями наверняка руководил ее любовник Безбородко. Теперь души орионцев, воплощенные в земных людей жаждали найти Звёздные капли и навсегда увести их с этой планеты, чтобы не дать в будущем перейти Гайе-земле в пятое измерение.

– А ты Михаил Владимирович, что думаешь об этом? И эта княжна Александра Гагарина, что ты о ней знаешь? – окликнул Огарёв, Михаила.

– Эксцентричная и весьма развязная светская львица лет двадцати, – безразлично сказал Чернышев, пожав плечами, аккуратно подбирая нужные весомые слова, чтобы отговорить девушку ехать на бал. Он инстинктивно чувствовал, что это опасно. Потому он решил рассказать один из недавних фактов о Гагариной, который помог бы ему оградить Наташу от знакомства с этой опасной девицей. – Меняет одного жениха за другим. Прошлым летом из-за нее был скандал – дуэль между двумя уездными дворянами, говорят, оба были ее любовниками.

– Какой позор! Я так и предполагал! – воскликнул Алексей.

– А мне она совсем не показалась распутной, – начала Наташа.

– Может оттого, что ее легкомысленный нрав проявляется с мужчинами, а не с молоденькими барышнями? – произнес граф и внимательно посмотрел на девушку, пытаясь телепатически внушить ей мысль о грозящей опасности от княжны.

– Это просто неслыханно! – возмутился Огарёв. – Натали, ты не поедешь на этот бал, я запрещаю тебе. Наверняка эта Гагарина научит тебя чему непотребному. Еще публичного позора нам не хватало, к нашим неприятностям.

После этих слов Алексея Ивановича, Михаил опустил взор и чуть скривил губы в усмешке, ибо его ход был сделан верно и Огарёв воспринял все как надо. Довольное выражение лица графа не укрылось от Наташи. Она поняла, что Чернышев отчего-то специально охарактеризовал Гагарину в неприглядном свете, и теперь отец не хотел пускать ее на бал. Но зачем Михаилу Владимировичу это было нужно, Наташа не могла понять. Но это вызвало в ее душе негодование.

– Но, батюшка. Вы же обещали, что после моих именин, я буду выходить в свет, – пролепетала девушка несчастно.

– Обещал, – кивнул Огарёв. – Но теперь я передумал. И предполагаю, что еще полгода годик тебе не стоит ездить на балы, подрасти еще, ума наберись. Успеешь еще кавалерам головы покружить, когда придет время.

– Батюшка, но разве ваше слово ничего не значит? – не унималась она.

Окончательно расстроившись, Наташа как ребенок надула губы. Разве она могла сказать отцу о том, что в том салоне на Невском она познакомилась не только с княжной Гагариной, но и еще с импозантным корнетом, Денисом Стрешневым. И именно с ним она хотела вновь увидеться на балу у Гагариных, ведь княжна упоминала, что молодой человек близкий друг их семьи. Оттого Наташа жаждала попасть на этот бал, потому что ощущала некий подъем в своей душе от одной мысли, что красавец корнет вновь предстанет перед ней, а может быть даже пригласит на танец.

– Мое решение окончательное, Наталья Алексеевна. И давай закончим на этом, – властно отрезал Огарёв.

Наташа нахмурилась и медленно отложила вилку, невольно смотря на отца, который как ни в чем небывало продолжил свою трапезу. Она не желала сдаваться.

– Если позволите, Наталья Алексеевна, – произнес Михаил, пытаясь хоть как-то утешить расстроенную девушку. – Поверьте мне, столичные балы отличаются от тех, к которым вы привыкли в Москве.

– Но я была всего на двух, и еще на том, что в день моих именин устраивали, – она подняла на него глаза и внимательно посмотрела в его приветливое лицо.

– Тем не менее, поверьте мне, – продолжил увещательно граф, не спуская с ее прелестного лица поглощающего взора. – Здесь на балах творятся всякие безобразия. Я даже не говорю о распущенности. Нынешние молодые люди весьма неучтивы и ветрены. Я имею в виду мужчин. А в прошлом году случай был, так одну девицу едва не отравили, во время приема у графа Протасова. Я поддерживаю решение вашего отца – вам надобно немного обождать.

– Вы, Михаил Владимирович, согласны с моим отцом, потому что бывали на балах множество раз, они уже вам неинтересны! – воскликнула Наташа, устремив на него горячие непокорные глаза. – А когда вы были молоды, то наверняка ни одного бала не пропускали ведь так, ваше сиятельство?

– Наташа! – возмутился Огарёв. – Как ты говоришь с Михаилом Владимировичем?!

– Вы неправы, Наталья Алексеевна, и много не знаете, – печально сказал Чернышев, смутившись под ее негодующим изумрудным взором и понимая что настроил девушку против себя и это было неприятно ему, но другого выхода теперь чтобы оградить ее от орионцев он не видел. В данное время его особняк являлся для нее и для Звездной капли, которой она владела

самым безопасным местом. – Но я и сейчас не стар, и довольно часто посещаю приемы и балы. И уж поверьте мне, вы еще слишком юны и чисты для этого рассадника сплетен и интриг.

– Одного не пойму, отчего вы, ваше сиятельство, так печетесь о моей чистоте и благополучии? Вам то, что за прок? – произнесла с вызовом девушка.

– Наталья! – взорвался Алексей Петрович и швырнул с силой вилку на стол. – Еще слово и...

Наташа замолчала и, бросив по очереди негодующий взгляд на отца, а затем печальный на Чернышева, замолчала и уткнулась в свою тарелку. Михаил побледнел, отчетливо осознавая, что еще немного и он потеряет в ее глазах друга, которым искренне хотел для нее стать. Пытаясь хоть как-то утешить ее, Михаил примирительно произнес:

– Вы правы, Наталья Алексеевна, это не мое дело, но пожалейте своего отца. Я лишь пытаюсь донести до вас, что он будет сильно переживать за вас и это главное.

Обидевшись, Наташа надулась и, устремив несчастный взгляд на свой ужин, началаковырять в овощном рагу вилкой. Граф долго изучающе смотрел на бледное лицо девушки с опущенными ресницами и медленно отпивал воду из хрустального бокала. В какой-то момент, после долгой молчаливой паузы за столом он, решив хоть немного подбодрить девушку, сказал:

– Мне кажется вам просто скучно, Наталья Алексеевна, вот вы и ищете занятия. Чем вы, например, занимались днем, дома в Москве?

Наташа молчала и совершенно не собиралась отвечать Чернышеву. В глубине души она отчетливо осознавала то, что именно слова графа убедили отца не пускать ее на бал. Она была рассерженна на него и не хотела отвечать на его вопросы.

– Наташа, Михаил Владимирович задал тебе вопрос, – начал тихо Огарев, пытаясь так же успокоить ее.

Подняв глаза на графа, она медленно, растягивая слова, бесцветным голосом произнесла:

– Каталась верхом, навещала подруг, гуляла, рисовала, много читала.

– Зачем же дело стало? – тут же с воодушевлением произнес Михаил. – У меня есть великолепная библиотека.

– Я видела ее, но побоялась заходить туда без вашего позволения, – сказала она тихо, поднимая на него уже более заинтересованный взгляд.

– И напрасно, Наташа, – заметил по-доброму граф и улыбнулся ей. – Вы можете брать любые книги и читать, когда вам этого захочется. А для прогулок верхом могу предложить вам одну из кобыл из моей конюшни. Так же для тебя Алексей, мои лошади в полном распоряжении. Я думаю, для Натальи Алексеевны подойдет Кокетка. Лошадь резвая и послушная. За усадьбой простираются леса и довольно большие лужайки, можно кататься там.

– Ох, спасибо тебе Михаил, – тут же затараторил Огарёв. – Я очень признателен тебе.

– А на счет выхода в свет, я подумал вот что, – продолжал Чернышев, зная где есть довольно безопасное место для общения с петербургской знатью. – Граф Шереметьев Пётр Борисович мой давний друг. Два раза в месяц в своем имении в Кусково он устраивает представление в своем крепостном театре и непременно присылает мне приглашение. Мы могли бы посетить один из спектаклей. Что вы об этом думаете, Наталья Алексеевна?

Только после этих слов графа, девушка вновь подняла глаза и, приветливо улыбнувшись Михаилу, сказала:

– Простите мою горячность. Я была не права.

– Вы слишком юны оттого и порывисты. Я тоже таким был, – улыбнулся ей в ответ Михаил. – Так что на счет театра?

– Мы бы с удовольствием сходили, так Наташа? – спросил Огарёв.

– Непременно, отец. Благодарю вас граф за предложение, было бы чудесно, побывать в театре графа Шереметьева, я столько слышала о нем.

Глава VII. Библиотека

Уже на следующий день поздно вечером, когда Чернышев проходил по коридору первого этажа, он заметил, что дверь в библиотеку приоткрыта. Бесшумно войдя внутрь, Михаил оглядел просторную мрачноватую комнату и увидел Наташу, стоящую на верхней ступени лестницы у высоких книжных стеллажей. На девушке было домашнее простое платье нежно-лилового оттенка. Она стояла спиной к нему и перебирала книги. Он бесшумно замер за ее спиной и тихо стоял около минуты, зная, что она не замечает его присутствия. С интересом он рассматривал ее изящную линию спины и затейливую прическу с переливающимися темными локонами, переплетенными сзади несколькими атласными лентами.

Так и не оборачиваясь, Наташа в какой-то миг произнесла:

– Михаил Владимирович, я не могу найти второй том английской энциклопедии. Вы не знаете, где он?

Чернышев вздрогнул, совершенно не понимая, как она могла распознать, что он здесь. Он прекрасно знал, что ходит бесшумно, как и сделал теперь. И девушка за это время ни разу не обернулась назад, для того чтобы увидеть его. Изучающим взором вклинившись в Наташу, он отчаянно жаждал понять, как она обнаружила его присутствие, ибо Михаил точно знал, что большинство людей не могли слышать его бесшумного приближения.

– Вы тоже не знаете где она? – уже настойчиво спросила девушка, обернувшись к нему. Она проворно спустилась с лестницы вниз и подошла к столу, где лежали раскрытыми две другие книги. – Ладно, попытаюсь обойтись и без нее.

Наташа по-деловому уселась за стол и начала перелистывать одну из книг.

Михаил наконец пришел в себя от удивления и приблизился к ней.

– Что вы изучаете? – спросил он тихо, заинтересованно.

Она прикрыла книгу и показала ему обложку: «Старинные камни-амулеты Причерного-рья» – прочитал он и тут же его взор метнулся в угол библиотеки. Так и было. Темный шкаф из резного дерева был открыт, и эту книгу девушка взяла именно оттуда. Михаил почти неучтиво вытянул книгу из рук девушки и мрачно заметил:

– Я забыл вам сказать, Наталья Алексеевна. Книги из шкафа, что из черного дуба весьма редкие и ценные. Оттого я не позволяю их никому трогать. Поэтому впредь прошу не прикасаться к ним.

– Но я всего лишь хотела... и там книги такие необычные, – начала Наташа.

Но Михаил уже направился к шкафу и, положив книгу на полку, демонстративно захлопнул дверцы. Тут лежали книги разных эпох, которые Чернышев привез с собой из девятнадцатого столетия, и на некоторых красовалась дата из будущего. Он понял, что совершил ошибку и запомнил о существовании этого шкафа, книги в котором могли вызвать у девушки не просто недоумение, а ненужные вопросы, на которые Михаил не смог бы ответить. Мысль о том, что надо сегодня же врезать замок в этот шкаф пришла к нему мгновенно.

Он обернулся к ней и, желая смягчить свою властную реакцию, которая явно вызвала недоумение у девушки, уже мягче сказал:

– Наталья Алексеевна, в библиотеке несколько тысяч книг, неужели вам мало? Я всего лишь прошу не брать книги из этого шкафа и все.

– Я поняла, не надо так переживать, – пожала плечами Наташа. – Но как мне определить, какие книги наиболее интересны, их же так много?

– Я помогу вам, – кивнул тут же граф и направился к одному из шкафов. Достав толстую книгу в красном бархатном переплете, он подошел к девушке и положил толстый том перед ней на стол. – Вот интересная подборка исторических зарисовок биографий известных лично-

стей, которые проживали на территории нашей страны за последние два века. Тут есть весьма интересные и малоизвестные факты. Я думаю вам понравится.

– Могу я взять эту книгу к себе в спальню? – спросила Наташа, вставая с бархатного высокого стула.

– Конечно, – кивнул он. – Когда прочитаете, мы можем обсудить, что вам более всего запомнилось.

– Согласна, – кивнула она, улыбнувшись ему.

Она стояла очень близко к нему в паре шагов, и Михаилу отчего-то подумалось, что цвет ее глаз похож на цвет свежей листвы, едва появившейся на ветках. Невольно он засмотрелся на нее, ощущая что от девушки идут приятные спокойные волны, обволакивающие его. Это длилось всего минуту, потому что Наташа проворно заключив книгу под мышку, быстро направилась к двери.

Уже через миг Чернышев остался в библиотеке один. Он долго пронзительно смотрел на дверь, за которой только что скрылась девушка, и отчего-то в его памяти крутился момент, когда она стояла на лестнице и ему очень хорошо были видны ее ножки в легких тряпичных вышитых туфельках, и нижняя часть ног в белых чулках. Он думал о том, что с приездом в его дом Наташи Огарёвой его жизнь наполнилась ярким приятным хаосом, который вносила эта девица в его существование. К его искреннему удивлению общение с ней ему нравилось, и было приятно. Он уже не помнил того времени, на протяжении двухсот с лишним лет, когда присутствие человека из дуального мира было так волнительно для него. Но факт оставался фактом – Наташа Огарёва была первой женщиной трехмерного измерения, которая вызывала в его спокойной умиротворенной душе, трепет и некие страстные колебания.

С того дня Михаил стал часто приносить или рекомендовать Наташе некоторые наиболее интересные книги, которые девушка читала с захлеб. Часто в гостиной или библиотеке, по вечерам они спорили на ту или иную тему, или обсуждали очередную книгу, по несколько часов к ряду, иногда своими жаркими спорами приводя Алексея Ивановича в недоумение. Огарёв очень опасался того, что острый язычок Наташи и ее несдержанные порой речи вызовут негодование у графа, но этого не происходило. Все реплики Наташи и ее смелые высказывания вызывали на лице Чернышева лишь непонятные таинственные улыбки или долгие молчаливые паузы, во время которых граф как-то странно смотрел на девушку, а на его лице явственно читалось удивление, азарт или восхищение. Порой после жарких споров, Михаил даже отдавал словесную победу девушке, что весьма удивляло Огарёва, ибо он знал, что его друг редко менял свое мнение в том или ином вопросе.

Тихо войдя в спальню Наташи, Михаил отыскал глазами серебристое пушистое животное, лежащее на постели в позе египетского сфинкса. Недвижимая до его появления, кошка медленно повернула голову в его сторону. В это время Наташа каталась верхом со своим отцом, и Чернышев пару дней ожидал нужного момента, чтобы оказаться с кошкой наедине.

– Сияния и мира тебе, звездная, – сказал он тихо. – Рад, что отыскал тебя, наконец.

Он медленно приблизился к животному, ощущая сильные вибрации, исходившие от кошки. Неожиданно распахнулась дверь и в комнату вошла Прасковья – горничная Наташи.

– Ой, ваше сиятельство, вы здесь? – опешила она. – Я хотела прибрать в шкафу Натальи Алексеевны.

Поняв, что важный разговор уже опасно откладывать, Михаил жестом показал девушке, что она может заняться тем за чем пришла. Он отошел к окну, заложив руки за спину, и сделал вид, что рассматривает пейзаж за окном. Блестящий взор кошки, вальяжно лежащей на кровати, вклинился в спину мужчины и вмиг в голове Чернышева раздался телепатический голос животного:

– Света и добра, альдеронец. Зачем искал?

– Ты в опасности, – послал такой же телепатический ответ в мысли кошки Михаил. Параша в это время начала возиться в шкафу, прибирая платья хозяйки. Понимая, что горничная даже не подозревает о том, что они теперь общаются с животным, он продолжал: – Федерация поручила мне оберегать тебя от орионцев, они кружат вокруг тебя.

– Глупости, я умело скрывалась столько лет, – хмыкнула кошка. – Ну, нашли теперь мой очередной ответ и что же? Я поменяла обличие. Теперь снова пусть поищут.

– Они ищут тиару.

– Вот именно. А теперь мое обличие другое.

– И все же мне думается, что я могу защитить тебя, помочь – это мой долг.

– Твоя миссия, альдеронец, – ответила кошка, и на ее мордочке появилось некое подобие улыбки. – Не более того. Если не выполнишь, то командование будет недовольно.

– Не верно. Я сам выбирал службу на благо всех.

– Конечно. Понимаю. Я тоже выбрала свою долю в этом трехмерном мире и по своей воле опустила свои вибрации на четвертую мерность. Я уже столько веков здесь на этой планете, что искренне полюбила жителей Гайи. Мне они нравятся, хотя часто они ошибаются и делают многие глупости, но я вижу, что у многих из них чистые души, как например, у этой девы Наташи.

– Сейчас многие охотятся за тобой, и орионцы самые опасные. Предлагаю тебе переместиться со мной немного в будущее, в девятнадцатый век. Там у меня тоже есть дом, он более защищен. К тому же здесь тебя потеряют, а там будет безопаснее. Но выбор конечно за тобой.

– Боишься, что если не выполнишь задание, то тебя не отпустят на Альдерон? – пошутила капля, в обличие кошки.

Звездная прекрасно знала, что все существа, служившие в Галактической Федерации Света являлись свободными от каких-либо обязательств и могли уйти со службы в любую минуту. Ибо свободная воля человека и желание души по Вселенским законам были выше каких-то приказов и договоров, которых в высших измерениях просто не существовало. Они руководствовались лишь искренним желанием души помочь на других планетах, где вершилось зло и несправедливость, это было для них единственным поводом вступить на службу. Регалий и денег служители не получали, а за все свои добрые дела члены Федерации Света приобретали лишь очередное развитие своей души, которая после службы могла подняться на ступеньку выше своего духовного развития и еще выше в вибрациях. Ведь все члены Федерации на своих родных планетах четвертого и выше измерений жили не зная ни в чем нужды.

– Оценил твою шутку, – улыбнулся одними кончиками губ Михаил, так и смотря на зеленую лужайку за окном. – Я просто хочу помочь.

– Знаю и уважаю твое стремление помочь людям в этом трехмерном мире. Но будь спокоен, я прекрасно защищаю себя сама. И мне не нужны помощники.

– Я вижу. Однако может все же решишься поехать со мной?

– Нет. Мне нравится жить у этой девочки. Ее душа очень чистая, искренняя, любящая. Сама она не осознает этого. Но я-то чувствую светлых людей.

– Если ты останешься с ней, то подвергнешь ее опасности. Ведь ее мать умерла не просто так.

– Ты прав, – телепатически согласилась кошка. Чернышев так и стоял спиной к кошке, заложив руки за спину, а горничная в тишине комнаты прибирала в шкафу, даже не подозревая о разговоре. – Я пыталась защитить Веру. Но убийцы оказались сущими демонами, своими кознями они опустили бедняжку на свой уровень второго измерения. А я по вибрациям не смогла пробиться на такой низкий уровень и помочь ей. Там они и погубили ее. А я была бессильна.

– Вот видишь! Люди, которые соприкасаются с тобой в опасности. Ты хочешь, чтобы Наташа и ее отец пострадали?

– Я не повторю ошибки, – твердо ответила капля. – Тем более эта девочка гораздо чище, чем ее окружение. И вряд ли опустится до нижних чакр в вибрациях. Уже сейчас ее свет вибрирует на шестой чакре. К тому же мне хочется пока находиться с ней рядом, чтобы, наконец, разрушить зло, которые творятся вокруг нее, и которое погубило ее мать.

– Я прибыл из будущего, и там орионцы... – он замолчал, прервав телепатическую речь, не в силах воспроизвести неприятную фразу.

– Похитили меня, – дополнила его фразу капля. – И что из того? Ты здесь, альдеронец, и своим присутствием уже поменял события будущего, разве не так?

– Не думаю...

– Поменял. Спас мою любимую девочку от огня, а теперь Огаревы живут у тебя. Поэтому, что будет в 1834 году не знает никто, – она чуть замаялась и твердо добавила: – Возможно никто кроме меня самой...

Михаил нахмурился, отмечая что капля точно назвала год когда ее украли орионцы с Гайи, когда он пришел слишком поздно. Это доказывало то, капля Толимана не только многое знала, но и видела варианты будущего на много сотен лет вперед.

– И все же тебе, звездная, лучше будет жить со мной.

– Я не хочу этого, – ответила она просто. – Или ты, альдеронец, хочешь нарушить мою свободную волю?

– Нет, не хочу. Если тебе не нужна моя помощь, я не буду вмешиваться.

Такого поворота Михаил не ожидал. Да, еще в первый миг, увидев кошку в гостинице, он отчетливо распознал кто перед ним. По ее бело-золотистому ответу ауры, он отметил, что передним именно капля Толимана, которую в девятнадцатом веке он упустил, когда орионцам удалось похитить ее. Он видел – капля поменяла свое обличие с тиары на кошку. Но естественно не подал виду. А сейчас звездная капля заявляла, что сама желает о себе заботиться и в его помощи не нуждалась. И как ему было выполнить порученное ему дело – переместить каплю в безопасное место или вообще забрать ее с Гайи? Когда она не желала этого, а наоборот хотела остаться прямо перед носом у орионцев только из-за девушки.

– Все верно. Я останусь с этой милой девочкой, очень она меня любит, – заявила кошка.

– И что же теперь делать мне? Я занимаюсь поисками уже пятьдесят лет на этой планете и теперь что же мне возвращаться ни с чем в Федерацию?

– Это тебе решать.

– И долго ты намерена жить с Огарёвой? – как-то грустно осведомился он.

– Не знаю. Но она первый встреченный мою человек за две тысячи лет, вибрации которого так высоки, оттого мне очень душевно и радостно рядом с нею. Она родная мне душа и я тоже искренне люблю ее. И искать другое пристанище я не намерена. Так и передай Федерации. Я выполню свое предназначение, когда придет время Вознесения Гайи. А пока мое желание жить с Наташей.

– Я уважаю твой выбор, – ответил телепатически Михаил, вздохнув.

Он быстро вышел из спальни Наташи, впервые чувствуя свою беспомощность и не понимая, что делать дальше. Хотя тут же посетившая его мысль о том, что можно попытаться все же найти пропавшего агента и еще другие звездные капли, чуть утешила его. Но для этого наверняка надо будет перемещаться во времени в другие века, и сделать это так, чтобы Огарёвы, которые жили у него, ничего не заметили.

Солнце стояло в зените, когда Наташа и княжна Александра Гагарина въехали верхом на своих кобылах в тенистый Бестужевский сад, располагавшейся на Каменном острове рядом с набережной. Сегодня княжна пригласила Огарёву на верховую прогулку, на которую Наташа уехала тайком от отца, зная его негативное отношение к Гагариной. Девушки устали от паля-

щего зноя жаркого июньского дня, оттого немного решили освежиться на прохладных тенистых аллеях.

Не прошло и четверти часа, как на одной из широких дорожек им повстречался молодой плечистый офицер, закадычный друг княжны и с которым Наташа была уже знакома.

– Добрый день, сударыни, – галантно поздоровался корнет Стрешнев, наклонив голову.

Увидев вновь этого эффектного молодого человека, Наташа затрепетала, и радостно улыбнулась ему в ответ, поздоровавшись. Она была рада, что они вновь встретились, даже несмотря на то, что отец запретил ей поехать на тот бал к Гагариным.

Денис Львович присоединился к девушкам, выразив желание составить им компанию, и последующие два часа провел рядом с ними, совершая конный променад. Было видно, что его очень заинтересовала молоденькая Огарёва, которая так же смущалась и млела от горящих взоров корнета, и постоянно улыбалась ему, желая понравиться. Уже к концу прогулки, когда их покинула княжна, Стрешнев предложил проводить Наташу до усадьбы Чернышева, но она отказалась. Она боялась прогневать отца. На ее категоричный отказ корнет мило понимаяще улыбнулся и предложил девушке вступить в тайную переписку с ним. Эта идея пришлась по душе Наташе, и она пообещала передавать письма для Дениса через свою горничную. На том они и порешили.

Спустя три недели после того, как Огарёвы поселились в усадьбе Чернышева, днем в особняк доставили большую посылку для Наташи. Михаила Владимировича не было дома и девушка, хотя и прочитала свое имя на адресате, все же не решилась открыть большую коробку, перетянутую холщевыми веревками. Едва вечером в гостиной появился граф в строгом темном камзоле, вернувшийся из коллегии, Наташа порывисто спросила у него:

– Добрый вечер, Михаил Владимирович, пришла посылка из Гамбурга на мое имя.

– Уже пришла? – удивился он и, наклонившись, привычным движением, поцеловал ее руку.

– Но я ничего не заказывала, – пролепетала она.

– Это мой подарок вам, Наталья Алексеевна, – сказал Чернышев, сделав знак рукой слуге и тот начал проворно распаковывать большую коробку, что стояла чуть в стороне. – Вы говорили, что любите рисовать. Вот я и подумал, что вам должна понравиться эта вещьца.

Когда слуга извлек резной деревянный мольберт на ножках, поставив его на паркет, Наташа пораженно воскликнула и сама, подбежав к коробке, начала с горячностью доставать остальное содержимое. Уже через мгновение, руки девушки извлекли несколько наборов красок, набор кистей и пару дюжин холстов бумаги для акварелей.

Наташа, с трепетом вертя все эти предметы в руках, обратила взор на мужчину, который с каким-то странным добродушным выражением на лице, следил за ее детской радостью, счастливо воскликнула:

– Мольберт такой восхитительный, у нас я таких не видела. А краски, тут более пяти дюжин! Благодарствую, Михаил Владимирович.

– Мой поверенный в Пруссии заказал все это в лучшем художественном салоне Гамбурга. Думаю, теперь вам будет, чем заняться, Наталья Алексеевна. И в вашу головку не будут лезть мысли об этих шумных пустых балах.

Чернышев добродушно улыбнулся Огарёву, который в эту минуту появился в гостиной. Алексей Петрович согласно кивнул другу в ответ и, Наташа это заметив, хитро улыбнулась. Она вспомнила об утреннем послании от корнета Стрешнева, где он назначал ей на завтра тайную прогулку верхом.

– Ничего, когда мне исполнится девятнадцать, я буду посещать без исключения все балы и рауты, на какие меня только пригласят! Батюшка мне это пообещал.

– Поверьте мне, Наталья Алексеевна, это вам быстро надоест, – насмешливо заметил Михаил, предчувствуя радость оттого, что ему как и накануне предстоит провести сегодняшний вечер в компании Огарёва и Наташи.

Глава VIII. Мольберт

В то воскресное утро до завтрака Чернышев катался верхом и, уже возвращаясь в поместье, невольно заметил Наташу, которая в это время находилась на лужайке неподалеку от усадьбы с мольбертом. Девушка была в светлом утреннем платье из легкого шелка и соломенной шляпке с цветами. Ее облик, возвышенный и нежный, словно был продолжением ярких душисто пахнущих трав и цветов, окружающих ее.

Еще пару недель назад, после разговора со Звездной каплей, Михаил решил пока остаться рядом с Огарёвыми, инстинктивно ощущая, что им может понадобиться еще его помощь и не раз. Пару месяцев он дал себе на раздумья, чтобы спокойно решить, что делать дальше – покинуть каплю Толимана и направиться на поиски других капель и пропавшего агента, и или все же остаться пока здесь, в лице защитника Наташи и ее отца в этом времени.

Он решительно приблизился к девушке и, остановив жеребца в десятке метров от нее, поздоровался:

– Прекрасное утро, Наталья Алексеевна!

Наташа обернула голову в его сторону и улыбнулась ему. Граф неизменный в своем черном цвете, в костюме для верховой езды на орловском рысаке караковой масти, подъехал ближе, чуть похлопывая по шее своего жеребца Султана.

– Здравствуйте, ваше сиятельство, – поздоровалась она, продолжая писать свою акварель, то и дело кидая беглый взор вперед на зеленую поляну, что простиралась за мольбертом.

Быстро спешившись, Михаил оставил своего жеребца чуть поодаль и подошел к ней.

– У вас чудесно выходит, – сказал он, вставая за ее спиной.

Поверх ее плеча, с высоты своего роста, Чернышев рассматривал изумительный рисунок на холсте, изображающий поляну и лес вдалеке, который творила рука девушки.

Наташа ощущала его властное присутствие за спиной. От графа исходило некое невидимое тепло, которое вмиг окутало ее существо. Оно не было неприятным, оно было каким-то успокаивающим и надежным.

В последнее время Михаил Владимирович появлялся около девушки неожиданно и постоянно. Он часто вызывал Наташу на откровенные разговоры на различные темы. Она всегда открыто говорила с ним и иногда даже спорила о некоторых вещах, что явно забавляло графа. Она не скрывала от него своей начитанности и своих мыслей, ибо совсем не старалась произвести на него впечатление. Она надеялась, что ее смелые слова и идеи, так не свойственные женщинам того времени, отпугнут Чернышева и он станет меньше оказывать ей внимания.

Однако все выходило в точности наоборот. Сначала встречавшийся с девушкой лишь за трапезами, Михаил вскоре стал, как будто искать повод для общения с нею. Он часто появлялся в саду, где она гуляла, или засиживался с нею допоздна в библиотеке, изучая ту или иную интересную книгу, Наташе нравился его ум, начитанность, знание жизни. Чернышев рассказывал ей многие необычные или интересные вещи, и часто проводил с нею по несколько часов к ряду.

Но девушку немного напрягал ярко-голубой взгляд графа: внимательный, проникновенный и мерцающий. Часто на его суровом бледном лице появлялась загадочная улыбка после некоторых ее фраз, и это вызывало у нее чувство недоумения, ибо она не понимала, что она означает. Этот человек казался ей закрытым, загадочным и непонятным, и уж конечно не похожим на других мужчин и это вызывало у нее порой чувство напряженности. Она инстинктивно чувствовала, что он играет некую роль перед окружающими, на самом же деле он был другим, и порою Наташе хотелось узнать его настоящую сущность.

– У вас явный талант, – заметил он вдруг. – Вам надо непременно развивать его, Наташа, – и тут же, быстро извинившись, спросил: – Могу я называть вас по имени?

– Почему бы нет, – пожалала она плечами. Тут же предугадывая его дальнейшую фразу, она чуть обернулась и внимательно посмотрела ему в глаза и добавила: – Но я вас все равно не буду называть по имени, даже не просите.

Он рассмеялся по-доброму в ответ.

– Вы прочитали мои мысли. Вы пугаете меня, Наташа.

– Не думаю, что вы из пугливых людей, Михаил Владимирович, – ответила она и вновь отвернулась к мольберту.

Они долго стояли молча. Она, продолжая накидывать широкие мазки на холст, он с удовольствием созерцая чудесный живой пейзаж вокруг и девушку, которую хотелось рассматривать все больше. Трели птиц, шум высоких сосен впереди и стрекот цикад приносили в эту гармонию нотки счастья и романтики.

– Удивительно, но ваш жеребец стоит смирно, – сказала девушка, заметив, что конь Чернышева находится на прежнем месте, где и оставил его хозяин.

– Султан еще с детства приучен к голосовым командам.

– Вы хотите сказать, что он понимает, что вы говорите ему и выполняет? – удивилась она и обернула к нему лицо.

– Да, – ответил он просто, открыто смотря в ее лучистые глаза. Он хотел добавить, что в основном общается со своим жеребцом телепатически, но подумал, что девушка просто не поймет этого. Оттого вымолвил: – Мне не надо даже прищипывать его, лишь достаточно сказать слово быстрее и все.

– Не может быть... – пролепетала Наташа.

– Смотрите, – улыбнулся ей граф и, повернувшись к рысаку, тихо велел: – Султан, подойди ко мне.

Под удивленным взглядом Наташи, караковый жеребец, находившийся неподалеку от них, тут же сдвинулся с места и быстро приблизился к графу.

– Это поразительно, – пролепетала девушка. – А если конь на довольно большом расстоянии от вас?

– На это тоже есть своя тактика, – заметил он.

– Вы научите меня? – спросила она.

– Возможно, если захотите, – сказал он уклончиво.

Они вновь замолчали, и жеребец остался рядом и, наклонив голову, принялся щипать свежую траву.

– Вчера я прочитала интересную статью в Ведомостях, – заметила вдруг Наташа, вновь взявшись за кисть.

Она начала рассказывать про то, что заинтересовало ее, а Михаил вежливо молчал, не отрывая замороженного взгляда от ее тонкой руки, которая водила по холсту кистью. А она все говорила и говорила, радуясь тому, что может, открыто поделиться своими мыслями с тем, кто бы действительно понял ее речи, а не осуждал, как например, делал ее отец. В какой-то момент, осознавая, что граф совсем не отвечает ей, Наташа обернулась к нему и спросила:

– Вы, наверное, уже устали от моей болтовни?

– Отнюдь, с чего вы это взяли? – отозвался он.

Он так и находился чуть справа от девушки и ласкал взглядом ее открытую шею и нежные едва прикрытые тонкой косынкой плечи. Было довольно жарко, и Наташа была одета в легкое платье нежно-василькового цвета.

– Вы все молчите, а я говорю. Я вас наверняка утомила.

– К сожалению, а может к счастью мне нравится ваше общество, сударыня. Вряд ли я найду вторую такую девушку в Петербурге, которая так свежо думает и совсем не боится высказывать свои мысли вслух, – заметил он и спросил: – А отчего вы не катаетесь верхом?

– Я каталась вчера, когда вы были в коллегии. И сегодня собираюсь, после обеда.

В Кокетку – кобылу, которую ей посоветовал граф для верховых прогулок еще по приезду в усадьбу, Наташа влюбилась сразу. Это была молодая черная кобыла с блестящей гривой, поджарая и изящная, с покладистым нравом и быстрыми, словно ветер, движениями. Почти ежедневно девушка с упоением совершала конные прогулки по лугам и пролескам, находя в этом занятии истинное удовольствие и чувствуя единение с этим быстрым великолепным животным, которое беспрекословно ее слушалось.

– Я рад этому. Вам нравится Кокетка, Наталья Алексеевна?

– Очень, – с непосредственностью ребенка тут же ответила девушка. – Она быстрая и послушная. Стоит едва направить ее ногами, как она сама скачет в нужном направлении.

– Я дарю ее вам, – без предисловий заявил Михаил.

Наташа резко обернула к нему свое хорошенькое лицо и удивленно произнесла:

– Но я не могу принять такой подарок. Я знаю, что эта кобыла слишком дорого стоит.

– И что же? – спросил он, не спуская взгляда с ее изумрудных огромных глаз. – Поверьте, моя пташка, меня не разорит одна подаренная лошадь.

– Вы всем делаете такие дорогие подарки?

– Не всем, – он как-то таинственно улыбнулся, лишь одними уголками губ. – Лишь тем, кому мне хочется. А уж поверьте, когда мне хочется, я могу подарить не только лошадь.

– Вы прямо кичитесь своим богатством! – воскликнула она.

– Вы не правы, – ответил Чернышев, не спуская потемневшего взора с ее лица. Не в силах выдержать энергетического потока исходившего от его лазурных ярких глаз, Наташа отвернулась и вновь посмотрела на мольберт. Он же спокойно добавил: – Деньги это пыль, которая не стоит и сотой доли счастья, которое охватывает твое сердце, когда оно пребывает в любви и гармонии.

– Возможно. Но если бы вы были бедны, вы бы не рассуждали так философски.

– Не думаю, – сказал он твердо. В эту минуту Михаил вдруг вспомнил одно из своих воплощений несколько тысяч лет назад на одной из планет созвездия Плеяд – Альдебаране, которая в то время пребывала в четырехмерной плотности. – Были времена, когда я был беден, и не имел за душой ничего, но именно в той жизни моя душа была наиболее счастлива.

– Вы говорите очень странно, – отозвалась она.

Он тут же понял, что сказал лишнее и, вклинив напряженный взор в ее затылок, спросил:

– Так вы хотите лошадь?

– Я не приму от вас такой подарок, граф, – бросила она нервно, не смотря на него.

– Вам же она по душе, Наташа, – не унимался Михаил. – Вы же только что сказали это.

– Да, нравится, – кивнула она и, не оборачиваясь к нему, вновь начала рисовать. – Но я все равно не возьму ее. И прошу вас, Михаил Владимирович, давайте закончим этот разговор.

– Что ж дело ваше, – ответил он.

– Да, это мой выбор, – добавила она, поджав губки, и Михаил отчетливо считал подавленное ее волей желание владеть Кокеткой. Она начала накладывать на холст новую темно-зеленую краску. Напряженно размышляя, Наташа искала ответ, оправдывающий его щедрость по отношению к ней. – Я знаю, отчего вы дарите мне столько подарков, граф, – произнесла она тихо, продолжая рисовать и не смотря на него.

– Неужели? – удивился он, и его сердце отчего-то сильно забилося, предчувствуя, что девушка сейчас скажет фразу о том, что она ему нравится.

Ведь это было действительно правдой. Наташа вдруг обернулась к нему и, как-то странно улыбнувшись ему лишь кончиками губ, заметила:

– Оттого что у вас нет дочери, ваше сиятельство. И вы видите во мне дочь, которой у вас никогда не было. Оттого вы хотите баловать меня и дарить подарки, ведь так?

– Дочь? – опешил Чернышев, и его лицо стало мрачнеть. Нет, он не воспринимал Наташу, как дочь, совсем нет. Он относился к ней как к приятному его душе существу, как к девушке,

общество которой радовало его и вызывало у него чувства умиротворения и счастья. – Что за бред...

– Ну да. Вы чуть младше моего отца, и я вполне могла бы быть вашей дочерью, – сказала она явно довольная тем, что нашла ответ его действиям и вновь отворачиваясь к холсту.

Михаил побледнел и почувствовал, что ему не хватает воздуха от негодования. Значит, он для нее так стар, что она воспринимает его лишь как отца? Конечно, он не тот желторотый юнец, с которым она вела переписку и тайком встречалась дважды на неделе в парке. И Михаил прекрасно знал о ее знакомце Стрешнев, которого девушка скрывала от отца. Но он, Михаил, не был и стар, он выглядел молодо и эффектно. Он это знал точно. Потому ее колкое замечание задело его.

– Вашему отцу, моя милая девочка, почти сорок, – сказал он глухо. – А мне всего лишь тридцать три года. Я не мог бы быть вашим отцом, так как для этого мне надо было зачать вас в четырнадцать.

– Вы хотите сказать, что в таком раннем возрасте вас не интересовали женщины? – бросила Наташа через плечо, видимо решив, подразнить его.

Поблуднев, Михаил вперил негодующий взор в спину девушки, затянутую голубым шелком платья. Затем он невольно переместил горящий взгляд на кисти, стоявшие в жестяной банке на выступе мольберта и через миг банка, резко перевернулась и кисти полетели на зеленую траву.

Наташа ахнула и едва успела отскочить в сторону, чтобы испачканные краской кисти не задели ее новое шелковое платье. Она тут же воззрилась на графа, удивленно и непонимающе и отметила, что Чернышев как-то странно на нее смотрит. Михаил чуть сузил глаза, усилием воли заставляя себя успокоиться. Он понимал, что не должен был так выходить из себя. Пару раз глубоко вздохнув, граф смотря на ее опешившее лицо, обиженно произнес:

– Зачем вы так со мной, Наташа? Разве я давал повод?!

Он резко развернулся и в три шага достиг своего жеребца, намереваясь немедленно покинуть эту девицу, слова которой задели его. Наташа же поняв свою оплошность, бросилась к нему, тут же осознав, как была не права. Мужчина уже вскочил в седло, и она ухватила рукой за верх голенища его сапога и взволнованно выпалила:

– О, граф! Вы обиделись? Простите! Я не хотела! Я совсем не подумала! Простите, ради Бога!

Он обернул на нее мрачный взор и гневно вымолвил:

– Ваш язычок, Наташа, весьма остр. И оставьте свои извинения при себе!

Он быстро развернул жеребца и галопом поскакал прочь.

Спустя полчаса бешеного галопа, Михаил вдруг резко осадил Султана, поняв, что ведет себя глупо и очень по трехмерному. Зачем он вышел из себя и уронил банку и сказал гадкую фразу девушке, стеновав в своем сердце гнев и обиду? Качества, которые несли в себе низкие вибрации. Ведь он не был человеком дуального мира, он был другим. Но теперь вел себя как именно образчик человека окружающего мира.

Он так долго жил в трехмерных мирах, что высокие вибрации стали давать сбои. Иногда он словно становился таким как люди, живущие в трехмерном измерении. И Чернышев опасался этого. Он знал, что должен преодолевать в себе яростные страсти, сильные эмоции и негативные мысли, которые поначалу появлялись редко и он умело нейтрализовал их энергией любви и гармонии. Но в последнее время отрицательные мысли стали проявляться все чаще, мало того убирать их из сознания становилось все труднее. Он понимал, что его душа пятого измерения опускается в духовном развитии и его вибрации все ниже и уже на грани четвертного, но ему надо было выполнить свою миссию до конца. Тогда бы он смог вернуться

на свою родину и там залечить душу и снова наполнить ее до краев энергиями любви, счастья и гармонии.

Здесь же на Гайе было слишком много зла. Разрушительных враждебных человеческой душе энергий, боли и страха, и именно все это не давало подняться людям из трехмерности. И именно эти темные энергии постоянно атаковали душу Михаила. Но он боролся. На других трехмерных планетах, где он пробыл почти двести лет по меркам Гайи, ему это удавалось. Здесь же на Гайе дуальный мир, был самым жестоким и коварным, злым и кровавым, таким который только можно было вообразить. Рабство в колониях, крепостничество здесь в империи, многочисленные войны, жажда непомерной власти и богатства, тьма во всех ее жутких проявлениях захватили этот несчастный мир. И лучи света и добра, исходившие от светлых людей живущих на этой планете были очень скудны и малочисленны. Но все же они были.

И душа и совесть Чернышева требовали остаться именно здесь, и сделать все возможное, чтобы защитить Звездные капли от темных лазутчиков. Ведь именно эти капли в будущем должны были вырвать эту прекрасную планету, которая являлась жемчужиной вселенной, из зловещей трехмерности и поднять ее в пятое измерение вместе с ее светлыми жителями, с теми, кто сможет в этой страшной трехмерной реальности сохранить в своем сердце любовь, в душе добро и свободу.

Глава IX. Орионец

Мерцающие свечи канделябра отбрасывали причудливый рисунок на стол из темного дерева. Михаил вновь передвинул один из переливающихся небольших камней в правый верхний угол по кривому лучу и вновь ничего не произошло. В мрачной едва освещенной библиотеке стояла тишина. В этот поздний вечер Чернышев сосредоточено пытался решить головоломку, а точнее раскрыть книгу, которую купил на закрытом частном аукционе позавчера. Теперь, когда Звездная капля была найдена и не нуждалась в его защите, он был вынужден остаться только сторонним наблюдателем. В эту пору не зная, что далее делать со всем этим, Чернышев занялся вплотную изучением древних реликвий и книг, которых в этом времени было проявлено достаточно много. Это хоть немного отвлекало его от гнетущих мыслей.

Обложка книги была сделана из какого-то необычного материала, похожего на затвердевшую черную смолу, и подобный материал Михаил еще не встречал ни здесь, ни на других планетах. По-обычному книга не открылась и жесткий контур книги, как будто создавал охраненный короб для «нечто» лежащего внутри. На аукционе ему также выдали выписку-пояснение к книге от предыдущего владельца, которая гласила: «раскрыть книгу может тот, кто знает ее тайный код, в противном случае может произойти несчастье». Насколько был осведомлен Чернышев, данная книга долгое время хранилась в захудалом аббатстве на юге Франции и только в этом году попала в Российскую империю.

Темная гладкая поверхность книги-коробки была вся испещрена тонкими линиями, углублениями и кругами по которым свободно перемещались шестьдесят небольших камней, каким то чудесным образом крепившиеся к ее поверхности. Камни – шпинели, размером с фалангу пальца имели различные цвета.

Михаил понимал, что книга открывалась только при нужной комбинации расположения драгоценных камней на поверхности книги. Но у него не выходило никак разгадать ее загадку. Как только он не переставлял камни на обложке: по кругу, и в виде лучей солнца, очертания которого, круга с шестнадцатью лучами, отчетливо вырисовывалась из причудливых тонких углублений, и по форме креста с загнутыми краями и по другим силуэтам, которые только мог выхватить в причудливых линиях его напряженный взор. Однако короб так и не открывался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.